

Дмитрий Силлов

УЧЕНИК ЯКУДЗЫ

Якудза

Дмитрий Силлов

Ученик якудзы

«АСТ»

2011

Силлов Д. О.

Ученик якудзы / Д. О. Силлов — «АСТ», 2011 — (Якудза)

ISBN 978-5-9725-2190-6

Любое оружие нуждается в доведении до совершенства. Живое оружие – тем более. Виктор Савельев едет в Японию по приглашению клана якудзы для того, чтобы отточить свои навыки в Школе ниндзя. Но неожиданно он понимает, что попал совсем не туда, куда намечалось вначале. Гигантская змея, Башня Смерти, древний дракон, убийство Неживого и ворота в страну мертвых – это не фантастика. Это реальность, через которую должен пройти тот, кто мечтает стать истинным Воином Ночи.

ISBN 978-5-9725-2190-6

© Силлов Д. О., 2011

© АСТ, 2011

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дмитрий Силлов

Ученик Якудзы

Автор выражает благодарность Алексею Лагутенкову за неоценимую помощь в создании этой книги.

Все магические приемы, описанные в книге, работают на самом деле.

Все совпадения неслучайны.

Все имена известных людей подлинны.

(Для тех, кто верит в магию, совпадения и подлинность имен известных людей.)

Автор ни в коем случае не утверждает, что события, описанные в этой книге, происходили на самом деле. Но, исходя из аксиомы, что правда – это то, во что верят люди, он искренне надеется, что эти события описаны достаточно правдиво, для того чтобы читатель ни на секунду не усомнился в том, что они действительно происходили. Хотя бы потому, что при их описании автор опирался не только на собственный опыт, но и на реально существующие источники.

Часть первая Гайдзин¹

1646 год, Япония, пригород Эдо

Бог был ужасен. Его лицо искажала жуткая гримаса ярости. Из оскаленного рта выглядывали звериные клыки. Когтистая лапа сжимала маленький обоюдоострый меч. В другой лапе бога была зажата веревка с петлей на конце, сплетенная из тончайшей серебряной проволоки.

Резчик был весьма искусен в своем Мастерстве. Его рука смогла вдохнуть в оскал Недвижимого столько ненависти, что в неверных отблесках огня кузницы бог порой казался живым.

Крайне редкие посетители Мастера Сигэтаки, которым было позволено войти в кузницу, часто отшатывались от статуи в суеверном ужасе. Казалось им, что сидящая неподвижно фигура сейчас бросится на них, оттолкнувшись тренированными ногами адепта школы Симмэй Мусо-рю от каменной плиты, на которую она уселась для медитации.

Мастер лично знал резчика. Статую они создавали совместно. Резчик резал твердую как камень черную древесину, Мастер плел серебряную веревку. И ковал маленький меч. Из металла, не принадлежащего этому миру.

Жуткий кинжал, найденный на дне океана ловцами жемчуга и проданный Мастеру за бесценок, был расплавлен, а вязкий черный металл Сигэтаки разделил поровну между тремя заготовками. Ловец жемчуга был рад избавиться от страшной находки, а Мастер счел, что кинжал, украшенный ужасными ликами неизвестных демонов и наверху в виде четырехпалого когтистого кулака, как нельзя лучше подходит для его задумки. Ведь, как известно, ничто в этом мире не происходит случайно. И, наверное, неспроста тот кинжал попался Мастеру на глаза как раз в тот момент, когда он задумал поставить в своей кузнице статую Недвижимого.

Потом, пару лет назад, резчика подвесили на дереве вверх ногами, предварительно сделав ему надрезы за ушами, чтобы он не умер слишком быстро от чрезмерного прилива крови к голове. Резчик оказался христианином, за что и поплатился. Не для одного Мастера Сигэтаки он сделал статую божества, больше похожую на изображение демона. Кое-кто потом советовал Мастеру потихоньку избавиться от страшной статуи, но тот только посмеивался про себя. Кому-кому, а уж ему-то лучше других была известна истинная природа неистового Фудо Мёо, покровителя воинов и кузнецов.

Не раз в стоне раскаленного железа и треске пламени слышал он грозный голос Недвижимого, указывающий ему, что и как нужно сделать. И не ему ли во сне явилось грозное божество именно в том образе, какой сумел воплотить покойный резчик, поведав Сигэтаки из Эдо великий секрет тысячелой стали, из-за которого его начали называть Мастером и благодаря которому некоторые из его мечей разрубают напополам не только самурая, но и одновременно два его заткнутых за пояс меча? Жалко, конечно, что резчик оказался христианином. Но что поделать, у каждого живущего на свете своя карма...

Мастер взял в ладони рукоять только что созданного им меча-катаны и закрыл глаза. Да, истинный ценитель именно так проверяет качество оружия – закрыв глаза и ведя молчаливую беседу с тем существом, которое он держит в руках.

Не предметом, а именно существом!

Это пусть другие до рези в глазах рассматривают линии закалки и бросают на клинок шелковые платки. По внешним признакам можно выбрать коня или свинью. Подобные действия лишь позорят настоящий меч.

---

¹ *Гайдзин* – «иностранец». Без дополнения «коку» («страна») слово приобретает презрительный смысл «чужак», «неяпонец». Применяется в основном к европейцам, в отличие от более близких по менталитету китайцев или корейцев.

И что с того, что его мечи называют «жадными до крови»? Меч создан для убийства, и он должен хорошо делать то, для чего создан.

Мастер мысленно потянулся к мечу... и невольно вздрогнул от ужаса.

Это было не просто существо, обладающее собственной душой, как и положено настоящему Оружию.

Это было что-то другое...

С непреодолимой силой меч потянул его к себе, в себя, призывая слиться с ним воедино в кровавом празднике сэппуку, собственной трепещущей плотью до конца прочувствовать его совершенство.

Руки Мастера сжимали чистую, незамутненную, совершенную Смерть...

Сигэтака из Эдо поспешно прервал контакт, открыл глаза, поежился и осторожно положил меч на подставку. Это для самураев смерть – просвет безмятежного голубого неба меж облаками, и это их карма – стремиться к сомнительному счастью выпустить себе кишки.

Мастеру преждевременная смерть ни к чему...

Он взглянул на меч.

Кровавые сполохи огня метались по полированному клинку, словно маленькие демоны заката по застывшей глади горного ручья. Огонь будто жил внутри зеркальной полоски и искал лишь крошечный изъян, для того чтобы вырваться наружу. Но в клинке не было изъяна, и огню оставалось только бесноваться и биться о сверкающие грани своей совершенной тюрьмы.

Маленький меч для статуи Недвижимого был полностью выкован из трети ужасного оружия, наверное потерянного морским драконом Рюдзином в одной из его многочисленных битв. Но и две отложенные до поры заготовки, оставшиеся от того черного кинжала, тоже пошли в дело.

Пять долгих месяцев втайне от всех Мастер создавал это жуткое чудо, мешая обычную сталь с металлом из иного мира. И вот наконец чудо свершилось. Впервые за многие годы он выковал два меча – катану и вакидзаси – способные разрубить любой другой меч его работы и при этом не только не переломиться пополам, но даже не затупиться. Он никогда бы не расстался с подобным сокровищем, если б сейчас вдруг случайно не узнал о еще одном его свойстве.

И – если бы сокровище не было заказом.

Заказом, после которого можно никогда больше не переступать порога кузницы и не вдыхать удушливый запах дыма, остывающего железа и ядовитых примесей, необходимых для придания клинку особых свойств, которые простые люди называют не иначе как волшебными.

Мастер никогда б не продал эти мечи местным князьям-даймё, всегда с радостью покупавшим оружие его работы. Да и куда ему девать столько риса? На рис, который можно получить за такую работу, он смог бы нанять и кормить отряд самураев-ронинов из ста человек до конца их дней.

Но Мастеру не был нужен отряд ронинов. Ему было нужно золото.

Сигэтака медленно провел рукой над вторым, более коротким мечом, также лежащим на подставке из вишневого дерева.

Этот меч был столь же прекрасен, как и катана, но вряд ли его можно было назвать классическим вакидзаси. Меч был обоюдоострым и прямым, словно последний луч заходящего солнца. И не нужно было брать его в руки, чтобы почувствовать упругую волну энергии, шедшую от него... Но это была не та жуткая энергия, что билась внутри его классического собрата. Это было что-то другое. И что это такое на самом деле, вряд ли сможет распознать даже лучший из ёдзюука – колдунов, умеющих *видеть*.

Секрет совершенного оружия знает лишь Мастер, создавший свое детище...

Сигэтака на мгновение задержал ладонь над рукоятью меча, но брать его в руки не стал. Хватит с него на сегодня сильных эмоций. Пожалуй, в следующий раз надо подмешивать в

воду для закалки клинка несколько меньшее количество крови каппы – ребенка-вампира с лицом, пораженным странной болезнью, делающей его похожим на морду злобного тигренка. Уж больно силен получается у этих мечей зов крови. Хотя...

Мастер усмехнулся.

Именно такими мечтал видеть заказчик свои мечи. Один – классическая катана. Второй...

Мастер перевел взгляд на статую Фудо Мёо.

Уж не человеческие ли жертвоприношения собрался совершать заказчик прямым мечом? Мастер как-то краем уха слышал, что будто существует секта, последователи которой считают, что только таким способом можно достучаться до чертогов самого страшного божества сюгэндо. И каким же мечом можно совершать такой ритуал, как не подобием того оружия, которое держит в своей руке Фудо Мёо?

Да нет, так можно додуматься до чего угодно. И вообще, какое ему дело до того, кто и что будет совершать оружием его работы? Заказ есть заказ...

Год назад к Мастеру в кузницу пришел человек. С виду он был похож на японца. И он очень неплохо говорил по-японски. Не хуже самого Мастера.

Но тот человек не был японцем.

Он тайно прибыл из страны Кара, которую называл то Чжунго, то Поднебесной. Но Мастеру Сигэтаки было наплевать и на человека, и на название его страны.

А вот на то, что привез иноземец, наплевать было глупо.

Он дал Сигэтаки кусок золота величиной с человеческую голову и сказал, что вернется ровно через год. За это время Мастер должен был изготовить пару японских мечей, которые могли бы разрубить любые доспехи и любое оружие.

И еще человек поставил условие – чтобы после этого Мастер больше никогда не брался выковать что-либо подобное. При этом по окончании работы он обещал дать еще один такой же кусок золота.

Мастер поверил ему. Не потому, что человек дал ему задаток, и не потому, что он приехал издалека. Просто, когда человек передавал Мастеру золото, рукав его кимоно слегка сдвинулся. А из-под рукава на мгновение выглянул край татуировки.

Мгновения хватило Мастеру, чтобы понять, с кем он имеет дело.

Он слишком долго прожил на свете, для того чтобы не узнать татуировку Линь Гуй, клана тайных убийц из Поднебесной. Людей, никогда не нарушающих данного слова.

Да-а... Видимо, не только многочисленным японским торговцам была не по душе сакоку, политика закрытой страны, проводимая правящим кланом Токугава. Так не послу ли страны Чжунго понадобились мечи, рубящие металл, словно масло, для того чтобы, беспрепятственно войдя во дворец, раз и навсегда покончить с кланом Токугава, а вместе с ним и с проклятой политикой закрытой страны? Или человеку из клана Линь Гуй, переодевшемуся в одежды посла?

Конечно, вариантов было множество. Например, тот же посол мог преподнести эти мечи в дар императору Гокomé или же – что вероятнее – самому истинному правителю страны, сёгуну Токугава Иэмицу, дабы тот сделал исключение для сынов страны Кара и выдал им разрешение на торговлю. И император, и сёгун приняли бы такие мечи с великой радостью. Но не задались ли бы потом правители Страны Восходящего Солнца вопросом, откуда у подданных страны Кара мечи, выкованные японским Мастером?

Правда, на то, куда потом денутся его мечи и как они будут использованы, Мастеру Сигэтаки из Эдо было наплевать. Но в любом случае после выполнения такого заказа его пребывание на родине было нежелательно. Ради сохранения здоровья и долголетия самого Мастера.

Поэтому помимо обещанного золота прославленный Сигэтак из Эдо выторговал у человека обещание помочь ему выбраться из Японии. На что тот согласился с радостью. Еще бы!

Какой воинский клан откажется заполучить к себе создателя мечей, слава о которых не только шагает по суше, но и умеет летать через моря.

И вот мечи готовы.

Последний этап шлифовки Мастер всегда выполнял сам. Не говоря уж про подпись на хвостовике клинка. Рукоять, ножны и все остальное, что полагалось иметь мечам такого качества, было заказано заранее и уже давно ждало своего часа. Собрать же готовый меч, вложив клинок в рукоять и закрепив его в ней деревянным клином-мэкуги, было делом нескольких минут.

Подмастерье, который в любой другой кузнице давно бы сам считался Мастером, уже спал в соседней каморке, ворочаясь и постанывая во сне.

«Души неродившихся клинков требуют работы», – усмехнулся Мастер. Заказ готов. Оставалось лишь выполнить ритуал тамэсигири, пробной рубки, на деле выявляющий достоинства и недостатки меча. Но Мастер знал – эти мечи не имели недостатков. Поэтому тамэсигири можно было отложить на утро.

Сигэтака открыл дверь кузницы.

Ночь нежно подула ему в лицо свежим ветром, смешанным с запахом цветущей вишни.

Мастер вышел наружу, прикрыл дверь и сделал несколько шагов.

Ночь обняла его со всех сторон своими прохладными ладонями.

Он зажмурился...

Как хорошо!

Хорошо, когда окончена большая работа. Прекрасно, когда после окончания этой работы ты можешь вот так, как сейчас, выйти в свой сад и вдыхать пьянящий аромат ночи, не деля его ни с кем. Потому что это только твой сад и только твоя страна, в которой еще не взошло солнце, которое обязательно взойдет для тебя через несколько часов и будет восходить еще не раз, ибо ты еще не слишком стар и полон сил.

Ему захотелось сочинить трехстишие, но облечь в слова то ощущение, которое посетило Мастера сейчас, показалось ему кощунством. К тому же...

«Хмм... Моя страна... Все относительно. Думаю, восход солнца на новом месте будет нисколько не хуже», – подумал Мастер Сигэтака из Эдо.

И ночь была с ним согласна.

Ночи – они везде одинаковы. Они ласковы и нежны – как и дни, кстати. Особенно когда у тебя практически в руках два куса золота величиной с голову взрослого человека.

В каморке за спиной Мастера Сигэтака глубоко вздохнул во сне подмастерье. Вздохнул – и затих.

«Надо ему проститутку-юдзе купить, что ли, – подумал Мастер. – Как-никак, парень почти полгода в воздержании². Да и самому, пожалуй, можно расслабиться...»

Ночь не возражала. Она как могла помогала расслабиться Мастеру после его тяжелых трудов. Обвевала прохладным ветерком, обнимала тенями деревьев, успокаивала шелестом ветвей...

И Мастер был благодарен ночи.

Он расслабился, отдаваясь ее ласкам, воспарив душой высоко-высоко в небо, туда, откуда видно и Страну Восходящего Солнца, и Поднебесную, и весь остальной огромный и необъятный мир...

И ночь была к нему благосклонна.

Его душа так и осталась там, в безграничной вышине неба...

---

² В древней Японии, как и на Руси, мастера-оружейники в период создания эксклюзивного оружия часто постились и предавались глубокой аскезе, прося высшие силы помочь им в работе.

А тело распалось на две части от правого бедра до левого плеча, рассеченное клинком меча, только что изготовленного великим Мастером Сигэтаки из Эдо.

Два куска мяса, которые только что были Мастером, упали на землю. А его черная тень на стене кузницы осталась стоять там, где стояла.

Эта живая тень быстрым, но в то же время грациозно-плавным движением стряхнула на землю кровь с клинка и медленно вложила его в ножны за левым плечом. После чего замерла на мгновение – и исчезла, как исчезают с рассветом все тени уходящей ночи...

* * *

...Князь стоял во дворе кузницы и смотрел на разрубленное тело. За спиной князя неподвижными колоннами застыли его самураи. Чуть в отдалении не дыша толпилась кучка местных крестьян. Они бы с радостью бегом покинули это место, если б не приказ старшего самурая из отряда князя.

Князь пребывал в задумчивости.

Наконец он поднял голову, увенчанную рогатым шлемом, и бросил через плечо:

– Что скажете?

Один из самураев, тот, что выглядел постарше других, вышел вперед и поклонился.

– Я думаю, что это дело рук Мастера школы Симмэй Мусо-рю, – произнес он. – Взгляните, даймё, удар нанесен снизу вверх. Самураи так не рубят.

– Может быть, – задумчиво произнес князь. – Мне изначально не нравились все эти извращения классических воинских искусств. Они часто губят души самураев, превращая их в преступников...

– Позвольте сказать, достопочтенный даймё...

Старший самурай с удивлением воззрился на старика-крестьянина, вышедшего из толпы. Прервать речь самого князя? Никак старик выжил из ума и сам напрашивается на цудзигири!

Самурай нахмурился, шагнул вперед и взялся за рукоять меча. Но князь остановил его руку.

– Откуда мне знакомо твое лицо, старик? – хмуро спросил он.

Крестьянин прямо взглянул в глаза князя.

– Я был одним из генералов сёгуна в кампании на полуострове Симабара, – с достоинством ответил он.

Князь задумался на мгновение. А потом – о чудо! – медленно поклонился крестьянину.

Доспех негодуяюще скрипнул. Он был создан для битв, а не для поклонов. И уж тем более не для поклонов всяким оборванцам! Но, видимо, это был не простой оборванец.

– Я вспомнил вас, – произнес князь. – Я тоже участвовал в той кампании сразу после того, как прошел обряд гэнпуку. И я не буду спрашивать о том, что заставило такого уважаемого воина, как вы, вести бесславную жизнь дзидзамурая. Но сейчас я бы хотел услышать, что вы можете сказать об этом?

Рукой, закованной в железо, князь указал на разрубленный труп.

Крестьянин степенно поклонился в ответ и подошел ближе.

– Адепты школы Симмэй Мусо-рю здесь ни при чем, – медленно произнес он. – Тот, кто нанес удар, хотел, чтобы люди думали, будто это их рук дело. Не только удар мечом снизу вверх, но и кровавый рисунок тибури на земле указывает на это.

Старик нагнулся и перевернул верхнюю часть трупа. В голубое небо взглянули открытые глаза Мастера Сигэтаки. На лице Мастера застыла счастливая улыбка.

– Он не видел своего убийцу, – сказал старик, накрывая глаза мертвеца своей ладонью. – Удар был нанесен сзади. Ни самураи, ни адепты Симмэй Мусо-рю никогда не позволили бы себе так убить известного кузнеца. К тому же посмотрите сюда.

Старый воин убрал руку. Застывшие веки мертвеца под воздействием тепла ладони опустились, но выражение лица трупа осталось по-прежнему безмятежным.

Старик ткнул пальцем в перерубленную точно посередине межключичную впадину.

– Тот, кто нанес этот удар, не случайно направил его в средоточие души Мастера, – так же медленно продолжал старый самурай. – Когда лезвие меча проходит через это место, воспарившая в небо душа убитого возвращается и переходит в меч. А что может быть страшнее меча, в котором живет душа его создателя?.. У меча, который украл убийца, было тамэсигири наилучшее из возможных...

Старик замолчал, задумавшись о чем-то своем. А может, вспоминая что-то. Вокруг в почтительном молчании застыли и самураи, и подошедшие поближе осмелевшие крестьяне.

Старый самурай поднялся с коленей, но его голова осталась опущенной, словно на седой затылок внезапно опустился груз тяжелых воспоминаний.

– Я видел тех, кому знакома эта техника, – глухо проговорил он. – В кампании на полуострове Симабара их мечи собрали множество душ... А после кампании их души достались самураям сёгуна. Но тем самураям пришлось отдать много своих жизней за эти души...

Князь повел плечами. Еле слышно звякнули доспехи. Ни под какими пытками никогда не признался бы благородный князь, что его телу вдруг стало внезапно холодно под доспехами. И ему пришлось напрячь всю свою волю, чтобы скрыть этот холод от присутствующих.

– Ты говоришь о синоби³? – тихо спросил князь.

Старик едва заметно кивнул.

– Посмотрите в кузнице, – сказал он. – Я думаю, что подмастерье тоже убит. К тому же у Мастера Сигэтака была статуя Фудо Мёо, отражающая подлинную сущность Недвижимого. Думаю, что в Японии больше не существует подобной статуи. Недвижимый лично посещал Мастера и передал ему секрет изготовления несокрушимого клинка. Если мои догадки верны, то вы не найдете в кузнице ни статуи, ни новых мечей.

Повинуясь движению руки князя, в кузницу метнулся самый молодой самурай. Через несколько мгновений он вернулся с бледным лицом, неся на руках тело подмастерья. Вернее, две его перемазанные кровью половинки, которые шевелились и выскальзывали из рук молодого воина, словно были живыми.

Самурай сложил части трупа у ног князя и согнулся в поклоне.

– Статуи нет в кузнице, господин, – проговорил он.

– А мечи?

– Ни одного.

– Я так и думал, – ответил князь. – Но ответь, – обратился он вновь к старику, – как могло случиться, что Ночные Тени из Кога⁴ вновь смогли возродиться после стольких лет забвения? Я думал, что все они уничтожены, и даже сама память о них стерта огнем и сталью мечей трех сёгунов!

Старик медленно поднял голову и взглянул на вершины далеких гор, тонушие в низких облаках. Его изборожденное шрамами лицо тронула легкая усмешка.

– Ты спрашиваешь, как такое могло случиться, великий даймё? – промолвил он. – Я отвечу. Скажи, сможешь ли ты уничтожить собственную тень, даже если разожжешь на ней костер или воткнешь в нее свой катана? Да, какое-то мгновение огонь и блеск клинка смогут затмить ее, но это лишь иллюзия. Даже когда человек умер, его тень живет до тех пор, пока тело не рассыплется в прах. Синоби – это тени Японии. И пока жива Япония, синоби будут существовать, сколько бы поколений сёгунов не пытались их уничтожить...

---

³ Синоби – японское прочтение китайского иероглифа «ниндзя» (в переводе «человек, умеющий ждать; тайный агент»). В древней Японии ниндзюцу и синобидзюцу были синонимами.

⁴ Провинция Ига и уезд Кога провинции Оми – родина ниндзюцу.

* * *

Он открыл глаза.

Сверху над ним нависал потолок с лепниной и вычурной люстрой, крашенной под бронзу. Но и потолок, и люстра, и занимающийся за окном рассвет были размытыми, полуреальными, ненастоящими. Гораздо реальней был сон, из которого он только что вынырнул. Перед глазами все еще стояло изборожденное морщинами и шрамами лицо старого самурая. Его последние слова звенели в ушах, рождая в сердце тревогу.

При этом он все еще чувствовал тяжесть рогатого шлема на голове и доспехов на теле. Но реальнее всего был тяжелый запах крови, забивающий аромат цветущей вишни...

Сны приходили нечасто. С каждым месяцем, отдаляющим его от событий, о которых очень хотелось забыть, они снились все реже. Но при этом все реже они имели отношение к тем событиям. Это были словно эпизоды чьих-то чужих жизней, подсмотренных им во сне. Причем жизней давно минувших, но реальных настолько, насколько может быть реальной собственная жизнь.

После таких снов окружающая обстановка казалась менее настоящей, чем только что прерванное сновидение. От этого после пробуждения было немного не по себе. И для того чтобы избавиться от неприятного ощущения, было одно проверенное средство – максимально жесткий контрастный душ.

Виктор рывком вскочил с кровати и бросился в ванную...

Горячие струи воды, чередуясь с ледяными, жестко били по голове и плечам, возвращая ощущение того, что окружающий мир – не иллюзия, а самая что ни на есть объективная реальность, данная нам в ощущениях.

Когда ощущение кожи, отделяющейся от мяса, стало нестерпимым, Виктор выключил воду и вылез из ванны. Покряхтывая, он растерся жестким, словно наждак, полотенцем и лишь после этого рискнул стереть водяную взвесь с запотевшего зеркала.

В зеркале отразился совсем не японец, а самый что ни на есть европейского вида молодой парень с темными, короткостриженными волосами, не по возрасту пронзительным взглядом и волевым подбородком, украшенным суточной щетиной.

Виктор облегченно вздохнул и взялся за бритву. Оно, конечно, понятно, что ожидание увидеть в зеркале современной квартиры средневекового воина чуть не с другого конца света было по меньшей мере признаком начинающейся шизофрении. Но ровно полминуты назад стопроцентной уверенности в отрицательном результате не было.

– Схожу с ума, – вздохнул Виктор, скребя подбородок «Жилеттом». – Грустно, но факт. А факты – вещь упрямая...

Жизнь между тем шла своим чередом. Ровно через час он лишь на мгновение вспомнил о странном сновидении, уже потерявшем утренние краски и потихоньку исчезающем из памяти под грузом насущных забот:

– Эх, лучше б туда, в японские князья, чем здесь...

...Он сидел за столом и грыз карандаш. Карандаш был невкусным, но Виктор никогда не был гурманом. Тем более что вкуса карандаша он не чувствовал. У него были проблемы гораздо более серьезные, нежели дегустация китайской деревянной палочки с графитовым стержнем внутри.

Он нервничал.

И для этого был повод.

Перед ним на столе лежала бумага. На бумаге мелким шрифтом были напечатаны столбцы цифр, исходя из которых Виктор на сегодняшний момент задолжал государству в зеленом эквиваленте без малого двадцать тысяч долларов. Которые следовало вернуть. В против-

ном случае оное государство собиралось взыскать с незадачливого предпринимателя вышеназванную сумму в судебном порядке.

Такой суммы у Виктора не было. А умудрился задолжать ее он следующим образом.

Как-то по случаю в результате головокружительных, весьма опасных и изрядно кровавых приключений обломился ему солидный куш⁵. Недолго думая, бывший работник торговли пошел по накатанной стезе. То есть открыл продуктовый магазин, по стилю оформления и функциям сильно смахивающий на учреждение, в котором он сам подвизался ранее. Правда, на должности продавца.

Убийцей он стал потом, в силу обстоятельств, от него не зависящих. И хотя новое дело под давлением тех обстоятельств получалось у него на редкость хорошо, принимать предложение японской якудзы повысить квалификацию киллера непосредственно в Стране Восходящего Солнца Виктор пока не спешил. Карьере профессионального убийцы он предпочел скромную долю владельца двухэтажной продуктовой палатки, в соответствии с российским законодательством гордо именуемой магазином.

Местного предводителя организованной преступной группировки по имени Вася Виктор знал лично. Познакомились в связи с событиями, предшествующими появлению куша.

Куш, добытый совместными усилиями, они с Васей поделили без взаимных претензий, оставшись при этом неплохого мнения друг о друге. Так что причиной невзгод владельца магазина были не бандиты.

Первые полгода торговая точка Виктора процветала. Пока в один прекрасный день не появилась в той точке гостья из прошлого...

Гостью звали красивым именем Александра. По рождению она была дочерью японского посла, по призванию – куноити, что по-японски означает ниндзя женского пола. Склоняла та Александра Виктора к тому, чтоб бросал он свои торговые дела и ехал в Японию с полным пансионом и с более чем солидным окладом повышать квалификацию и совершенствовать свой дар, который он сам втайне считал проклятием.

А именно: в минуты смертельной опасности временами впадал Виктор в боевой транс. И в этом транс-е проявлялись в нем способности убивать себе подобных голыми руками в несметных количествах способами изуверскими и крайне неаппетитными. Представителям японской якудзы, которые невзначай стали свидетелями Викторовых бесчинств, те способы сильно понравились. Отчего и агитировала Виктора красавица-куноити съездить в Японию на три года для обмена опытом.

Виктор же покивал для вида – и решил не связываться. Мол, хватит на мою пятую точку крутых приключений, пора на покой. Магазин есть, прибыль приносит – а большего мне и не надо.

Но покоя не получилось. Он, покой, как известно, нам только снится. Когда не снятся другие нереально реальные истории. Но Виктору в последнее время зачастую было не до сна.

Сначала на него круто наехал ОБЭП. Нашли кучу неслабых нарушений, которые в сумме своей круто долбанули Виктора по карману. Хорошо, что так обошлось, мог бы и под статью загреметь.

После чего на него наехала СЭС. С его стерильного прилавка – Виктор был слегка помешан на чистоте, сестра приучила, – сделали сыв. В сыве работниками санитарно-эпидемиологической службы была найдена какая-то вредоносная палочка, из-за которой хозяин магазина вновь серьезно пострадал в материальном плане. Потому как магазин по результатам проверки СЭС почти месяц был закрыт, не получая разрешения на торговлю, словно на прилавке нашли не палочку, а как минимум бактериологическое оружие тотального уничтожения.

---

⁵ Подробно о том, каким именно образом этот куш Виктору «обломился», можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Тень якудзы».

При этом потраченные нервы – не в счет. Нервные клетки – не деньги, они не восстанавливаются и ценятся российскими гражданами не в пример меньше. Поэтому Виктор, избавившись от палочки и внимания санэпиднадзора, вновь открыл магазин.

И тут начались проблемы с поставщиками. То мясо тухлое завезут, то помидоры гнилые, то вообще ничего не завезут – делай бизнес на чем хочешь, хоть молоденькими продавщицами приторговывать начинай прямо на прилавке, благо он длинный, стерильный и абсолютно пустой.

Народ, понятно, с такого дела в магазин Виктора ходить стал реже намного, предпочитая его заведению аналогичные, в которых проблемы с властями, поставщиками и продуктами были не в пример скромнее.

Но последней каплей в карьере молодого гения от коммерции стало письмо, которое Виктор сейчас и рассматривал, терзая карандаш свежими импортными коронками, – некоторые зубы в результате приключений, предшествовавших появлению собственного магазина, остались в богатом событиями недалеком прошлом.

«Случайно такое невезение не бывает. Кому-то ты, Витя, крупно досадил. Понятно, что жизнь – она как зебра. Черная полоса, белая полоса, задница. И когда она, задница то есть, настаёт, надо не сидеть на ней, а продавать магазин и завязывать с коммерцией. И сваливать куда-нибудь. Хоть к сестре в деревню. А то жизнь – она, конечно, чаще всего как зебра, но бывает, что и как слон. То есть кончается внезапно».

Виктор кривил душой. И не только в том, что ни за какие коврижки не поехал бы он к сестре в захолустье еще более мрачное, чем его родной город, которое разные-всякие, по воле случая родившиеся в столице либо всеми правдами и неправдами пробившиеся поближе к ней, кличут мудреным и оттого обидным словом – «периферия». Знал он, откуда растут ноги его хронического коммерческого невезения. Но ехать на другой конец земли, для того чтобы японские бандюганы ставили над ним свои опыты, тоже отчаянно не хотелось.

«Ты будешь третий неяпонец за всю историю Школы, который переступит ее порог в качестве ученика. Во время обучения на твой счет, который будет открыт в любой стране, которую ты укажешь, будет ежегодно поступать сто тысяч долларов».

Именно такие слова сказала тогда Александра, сунув ему на прощание визитку из неестественно белой бумаги с телефоном московского клуба...

Но как же не хотелось снова ворошить прошлое, превращая его в беспокойное и кровавое будущее! То, что в случае ворошения будущее будет именно таким, Виктор нисколько не сомневался. Да и какой заокеанский буржуй в здравом уме и твердой памяти пожертвует простому рабочему парню из России триста тыщ баксов за здорово живешь? Ясно дело, никакой. Гораздо проще, после того как вытянут из него недобитые камикадзе интересующую их информацию, скормить его крабам, благо их в Японии до...

Дверь кабинета, расположенного на втором этаже магазина, распахнулась, прервав мрачные мысли его хозяина.

Виктор поднял голову.

На пороге стоял главарь местной организованной преступности по имени Вася, с которым Виктор около года назад поделил пополам весьма нехилые деньги, доставшиеся им в результате вышеописанных головокружительных приключений.

Судя по внешнему виду Васи, свою половину денежного приза он употребил со значительно большей пользой для себя, нежели Виктор.

За прошедший год Вася приосанился, заматерел и внимательно пересмотрел «Бригаду». Следствием того пересмотра стали зачесанные назад волосы, черное кожаное пальто и «Мерседес» того же цвета. Плюс внедорожник охраны с тонированными стеклами, длинный, черный и чем-то неуловимо напоминающий похоронный катафалк американского образца. Обе подъехавшие машины Виктор мог бы заметить из окна своего кабинета, если бы все его мысли не парализовал белый листок бумаги, лежащий перед ним на столе.

– Что читаем? – вместо «здрaсте» поинтересовался Вася.

– Приговор, – мрачно ответил Виктор. – И только тебя сейчас не хватало до кучи.

– Че это ты? – слегка опешил Вася.

Виктор откинулся на спинку стула.

– Судя по последним событиям, сейчас ты просто обязан зарядить мне в грызло и сообщить, что я не платил тебе за крышу целый год. И что счетчик тикал все последние одиннадцать месяцев.

– Ну, насчет зарядить тебе да в грызло я бы еще подумал, – осторожно сказал Вася, присаживаясь на стул и вместе с ним двигаясь к столу. – С тобой махать надо не кулаками, а огнеметом. Причем лучше сразу «Шмелем».

– Это который реактивный? – уточнил Виктор.

– Он самый, – согласился Вася. – А лучше двумя. С двух сторон по второму этажу. Для надежности.

– Я смотрю, ты за год стратегом стал, – усмехнулся Виктор. – Никак в натуре подумывал насчет огнеметов?

– Да ну тебя, – отмахнулся Вася. – Думаешь, если я бригадиром заделался, так и оскотинился автоматически? Бригадир и сука – это не синонимы, Вить, а абсолютно противоположные понятия. Ведь если бы не ты, так я б сейчас не здесь в кожанé рассаживался, а со свинцовой пилюлей в башке на дне озера карасей кормил. Так что насчет долга ты не в тему прогнал. Я ж тебе обещал, что в этом городе с крышей у тебя все пучком будет без всяких проплат. И моё слово железно.

– Ну, я перед тобой типа тоже в долгу, – слегка смутился Виктор. – Так что считай, что мы квиты. И давай по делу. Типа, чем обязан?

– Чего?

Хотя Вася за прошедшее время и выучил слово «синонимы», тормозил он порой по-старому.

– Ну, пришел зачем?

– А-а-а...

Тут бригадир городской ОПГ замялся и спрятал глаза.

«Чего это он? – подумал Виктор. – Никак и правда заказ на меня пришел выполнять, да совесть мучает».

Вася, однако, совестью мучился недолго. Сунув руку за пазуху пальто, он вытащил оттуда пять пачек зеленых американских денег, перетянутых шпагатом, и положил их перед Виктором.

– Спасибо, – кивнул Виктор. – Как я понимаю, это мне.

– Угу, – промычал Вася, сосредоточенно рассматривая бледный кактус на подоконнике.

– Интересно только за что?

– За магазин, – буркнул Вася. – Покупаю я его у тебя.

– Понятно, – снова кивнул Виктор. – Без меня меня женили. А если я не согласен?

Вася вздохнул, страдая глубоко и неподдельно.

– А если ты не согласен, то мне придется его сжечь, – выдавил он из себя.

– Ясно, – медленно произнес Виктор. – Это к тому, что бригадир – это бригадир, а не противоположное понятие...

– Да что ты, в натуре, жилы тянешь!!!.. – взвился Вася, наливаясь красным, словно перезрелый помидор. – Типа не знаешь, что и надо мной люди есть! Ну не продашь ты мне магазин, ну не сожгу я его, как велено было, ну грохнут меня московские! Легче тебе от этого будет?

– Московские? – уточнил Виктор. – Так я и думал, что ноги растут именно оттуда.

Вася шумно выдохнул и грохнул пудовым кулачищем по столу, отчего связка долларовых пачек подпрыгнула на полметра.

- Твою мать, опять проговорился! А хотя... Какая теперь разница...
- Действительно, никакой, – задумчиво отозвался Виктор. – Сколько здесь?
- Чего?
- Денег здесь сколько?
- А-а-а... Полтинник здесь.
- Понял, – кивнул Виктор.

«Ехать-то по-любому придется, – пришла безразличная, никакая мысль. – По-любому... Да и черт с ним, где наша не пропадала? В армии не загнулся, глядишь, и здесь обойдется. Подумаешь, на год больше...»

А вот другую мысль, которая зашебуршалась в голове, Виктор думать себе запретил и постарался загнать ее, вот-вот готовую всплыть, подальше. Насчет того, что кроме магазина есть у него еще одно слабое место. Которое только тронь – и полетит он, Витя, не пикнув, белым лебедем хоть в Японию, хоть в одних трусах на Крайний Север. Или же – как вариант – полетит, но не в Японию. А в тот клуб московский, на визитке обозначенный. И будет в том клубе глобальное и жестокое массовое убийство и правых, и виноватых.

Ибо было оно как-то, затронули то слабое место – сестру Гальку – некие восточные люди, бывшие Викторины работодатели. И отошли в лучший мир, отпетые неземным *голосом*, звучащим в голове у Виктора в те мгновения, когда он совершал эти самые массовые убийства...

Виктор тряхнул головой, отгоняя жуткие воспоминания. Уж лучше первый вариант. Тем более что лететь придется не в трусах, и уж совсем не на Север, а скорее наоборот.

– Это самое... Вась, не в службу, а в дружбу, – сказал он. – Я тебе адресок дам, ты по тому адресу раз в месяц переводом баксов по двести-триста отсылай, ладно? А то хрен его знает, как там в Японии с переводами.

Глаза главаря ОПГ стали круглыми, как у совы.

– В какой Японии? Ты че, в Японию собрался?!

– Ага, – просто ответил Виктор.

– Ну, круто! – выдохнул Вася. – То-то ты за тот меч так тряся. А чо это ты прогнал насчет переводов каждый месяц? Ты чего туда, на ПМЖ?

И сам рассмеялся собственной шутке.

– На три года, Вась.

Вася смеяться перестал и уставился на Виктора, словно увидел его впервые.

– В монастырь, что ль? – спросил настороженно.

– Не совсем, – вздохнул Виктор. – Хотя хрен его знает. Может, и в монастырь.

– Ты смотри, с этим поответственнее, – сказал главарь организованной преступной группировки, ерзая на неудобном стуле. – А то знал я одного. Он в Тибете в монастыре ровно пять лет отсидел, прикинь? И оттуда как звонком откинулся, день в день. Так, по мне, лучше б он у нас на зоне пятерик отмотал.

– Что так?

– Да башню у мужика сорвало напрочь. Хвостик на макушке отрастил, а остальное бреет. И рис постоянно жрёт. А когда не жрёт, сидит на месте истуканом – только хвостик на лысине кверху торчит – и без дури, и даже без музыки прётся незнамо с чего. А как переться закончит, обратно рис тóчит. И вот так по кругу. Или рис в себя пихает, или тащится...

– Так я ж не на пять лет, а только на три, – хмыкнул Виктор.

Вася кивнул на стеллаж, одна полка которого была заставлена литературой по Японии, Китаю, восточной философии и военному искусству, – в последнее время хозяина кабинета увлекла тема Востока, а на работе свободного времени порой бывало больше, чем дома.

– То-то я и смотрю. А вдруг и с трех крышняк сорвет? Кто ж его знает? Приедешь вот обратно с хвостиком и будешь, как тот ушлёпок, сидеть ножки калачиком и мычать про себя. Кайф, я думаю, относительный...

– Там видно будет, – грустно сказал Виктор.

Перспективу того, что в результате японского «обучения» у него может «съехать крыша», он вполне допускал. Как наименьшее из возможных зол.

– Слушай, а то, может, ну их всех – и давай ко мне в бригаду! – с жаром сказал Вася. – А чо? Спалим, в натуре, твой шалман, а в нем бомжа какого-нибудь. Московским скажем, что по недосмотру сожгли хозяина, ну вот, хоть убейте, был человек – и нет человека. А тебе фейс переделаем. У меня хирург пластический есть – закачаешься. Какую хочешь тебе морду нарисует, чисто Паганини. Документы – не проблема. У тебя ж не голова – а дом советов, а ты в барыги подался...

Виктор с сожалением посмотрел на главаря местного криминалитета.

– Паганини не морды рисовал, а на скрипке играл. А ты, Вась, боевиков лишку пере-смотрел. «Шалман спалим, фейс переделаем, документы не проблема...» Это не совсем московские, Вася. Это – гораздо хуже.

– Кто это может быть хуже московских? – удивился Вася. – Японские, что ли? Так их же тогда вроде как всех положили...

И задумался.

– Ладно, Вась, пора мне, пожалуй, – сказал Виктор, черкнув на листе со столбцами цифр несколько строк. – Вот по этому адресу сможешь переводы слать?

– Да не вопрос, братуха, – очнулся от дум Вася. – Только мне на это дело десятки за глаза хватит.

Он развязал шпагат и взял одну пачку.

– Остальное – твоё.

– Остальное, Вась, положи в банк на мое имя. Приеду – разберусь.

– Не вопрос, какие базары?

Заметно повеселевший Вася сгреб деньги обратно и запихал их во внутренний карман пальто.

– На дорогу-то деньги есть? Может, оставить скока-нибудь?

– Да есть. Как раз на дорогу и наторговал, – усмехнулся Виктор, вставая из-за стола.

– Давай подвезу, – предложил Вася, тоже вставая со стула и потирая мягкое место. – Ух, стулья для гостей у тебя и жесткие! Вся задница деревянная.

– Вот ты новые и купишь, – хмыкнул Виктор.

– Да уж придется. И не только стулья, – сказал главарь ОПГ, уже хозяйским взглядом окидывая кабинет. – Ну чо, тебя подвезти?

– Спасибо, обойдусь, – сказал Виктор. – У меня машина еще не совсем развалилась.

– А ее продавать будешь? – сделал стойку Вася. – Она у тебя за три года сгниет – к гадалке не ходи.

– Забирай, – махнул рукой Виктор.

– За десятку?

– Забирай за десятку.

– О, нормальный базар! – обрадовался Вася. – Я твою тачилу видел, она еще побегает о-го-го как!

«Сам знаю», – безразлично подумал Виктор. А вслух сказал:

– Я тебе сейчас доверенность выпишу, а ты ее хоть сегодня от моего дома заберешь. Мне бы в зал напоследок заскочить и потом до дома доехать. Ключи я в свой почтовый ящик брошу. Открыть сможешь?

Вася хмыкнул многозначительно.

– Почтовый ящик-то? Не переживай. Если сам не справлюсь, имеется у меня авторитетный медвежатник с автогеном. В моей бригаде любые спецы есть, только тебя не хватает. Кон-

кретный ты пацан, Виктор. И башковитый. За то и уважаю. А до дома своего ты еще не раз доедешь. Десятку за тачилу я тебе туда же на счет определяю.

– Определяй, – пожал плечами Виктор.

Торговаться было лень – да и незачем, в общем-то. Ближайшее будущее, в которое предстояло окунуться, казалось мутным и нереальным, как бред наркомана. А настоящее было уже лишь преддверием этого бреда, в данный момент особого значения не имеющим.

Виктору было знакомо это чувство, когда решение принято резко и неожиданно для самого себя.

Р-раз!

И привычный мир разваливается на кусочки, разлетается цветными осколками, как стеклышки в калейдоскопе, для того чтобы собраться в совсем уже иную фигуру, абсолютно не похожую на предыдущую.

Так было тогда, когда он отказался ехать с сестрой Галькой в деревню и сменить кровавую «свою жизнь» на тихое деревенское болото.

Так было и сейчас.

«Ну что ж, посмотрим, какие вы из себя, злые японские ниндзя, – подумал Виктор, в предпоследний раз поворачивая ключ в замке зажигания уже не своей машины. – Если такие же глупые и смешные, как в „Бэтмене“, то мы еще поглядим, кто над кем эксперименты ставить будет...»

* * *

Последнее время Виктор регулярно – ну почти регулярно – ходил в качалку. Заинтересовало железо. Наверно, все-таки сказались пережитые приключения, в ходе которых не раз приходилось наблюдать мощные торсы своих тайных и явных оппонентов. И хотя порой приходилось тех оппонентов отправлять к праотцам, несмотря на их торсы, но все ж таки... В общем, захотелось помимо внедорожника, магазина, относительного финансового благополучия и дара-проклятия в состоянии полной отключки убивать людей изощренными способами, чтобы, скажем, второго августа⁶ не стыдно было за рулем своего «тачила» проехаться в одной дембельской тельняшке.

...«Зал» был полуподвалом. Сыроватым, наскоро обшитым кем-то где-то украденной вагонкой, которая местами уже начала плесневеть. Под низким потолком лениво шевелил лопастями громадный вентилятор, мешая тонкую струйку свежего воздуха, сочащуюся из крохотного окошка с горячим углекислым газом, выброшенным из человеческих легких в процессе самоотверженного труда их хозяев.

На деревянном дощатом полу в беспорядке валялись грифы от штанг, блины, замки, все в пятнах коррозии и только в местах постоянного контакта с человеческими ладонями отшлифованные до естественного металлического блеска. По всей площади зала были расставлены несколько скамеек и тренажеров, сваренных из металлического профиля грубо, но надежно. У человека непосвященного, но образованного эти конструкции могли вызвать ассоциации с гильотинами и древними пыточными машинами, выкопанными из подвалов средневековых замков и установленными в подвал современного жилого дома для услады местных мазохистов.

Мазохистов в зале было немного, человек пять. Видимо, отсутствие комфорта и кондиционированного воздуха им нисколько не мешало. Люди, шумно выдыхая, толкали штанги, тягали жуткие с виду гантели и трудились в пыточных машинах, судя по искаженным лицам, страдая неимоверно. Руководил процессом седовласый Геракл, бугрящийся кошмарной, но на

---

⁶ 2 августа – День воздушно-десантных войск.

удивление пропорциональной мускулатурой. На лицо Гераклу можно было дать лет пятьдесят пять – шестьдесят, но фигуре позавидовал бы любой двадцатилетний подросток.

– Здорово, Степаныч, – поприветствовал Виктор Геракла, войдя в зал.

– И тебе не кашлять, – бросил Геракл с явно негреческим отчеством Степаныч. – Опоздываешь.

– На работе задержался, – повинулся Виктор.

– Еще раз задержишься – из зала вылетишь, – нелюбезно парировал Степаныч. – Быстро переодевайся – и работать.

Виктор повиновался. Гавкаться с хамоватым Гераклом резону не было. За полгода усиленных тренировок под руководством бывшего заслуженного тренера международного класса по тяжелой атлетике, вследствие некоторых проблем с законодательством вынужденного сменить большой спорт на полусырой подвал, а тяжелую атлетику на модный бодибилдинг Виктор набрал десять килограммов чистой мускулатуры.

К тому же несколько месяцев назад Степаныч приволок в зал и подвесил к потолочному крюку громадный мешок, сшитый из воловьей кожи и набитый чем-то на редкость твердым. Тогда у диковинного тренажера собрались все, кто был в качалке.

– Ты вроде как каратэ занимался, – сказал Степаныч Виктору. – Давай, пробуй.

– Да я так, до армии немного... – замялся было Виктор.

– Сказано, бей, – рыкнул Степаныч.

Виктор сосредоточился, закрыв глаза на полминуты, – и саданул, как учили до армии в каратэ, от бедра, подкрутив кулак, с «киай» обычным, вменяемым, громким и... как оказалось, бесполезным.

Права была Александра. Это, как она говорила, в состоянии боевого транса проявлялись у Виктора какие-то нечеловеческие способности, вследствие которых и удары были что надо, и результаты тех ударов – не приведи Господь никому на себе прочувствовать. И сейчас Виктор перед тем как мешок долбануть, понадеялся – а вдруг проявится? Потому и пыхтел перед мешком, закрыв глаза и вызывая в себе полузабытые ощущения неземного *голоса*, звучащего в голове...

Не проявилось.

Кулак вкрутился в грубую воловью кожу... Виктору показалось, что он ударил в стену. Мешок едва заметно качнулся и вернулся на исходную. Виктор же слегка обалдело смотрел на стремительно распухающее запястье и клочок кожи, свисающий с ударной поверхности кулака.

Кожи своей, не воловьей.

Все, что изменилось во внешнем виде мешка, – так это пятно крови появилось на нем, будто кисть кто обмакнул в алую краску и ткнул ею забавы ради в стокилограммовую черную сардельку.

– Понятно, – хмуро бросил Степаныч. – Руку давай.

– А?

Боль в запястье нарастала, и потому руку Степанычу давать не хотелось. Хотелось взять ее, покалеченную, нежно и нести в больницу к добрым докторам, которые за деньги сделают все, что требуется, аккуратно и безболезненно.

Виктор попытался увернуться, но Степаныч оказался проворнее. Он ухватил Виктора за руку своей лапищей повыше вывихнутого запястья – словно капканом прихватил.

– Глаза закрой.

– Степаныч, а может...

– Глаза закрой, сказал!

Виктор хотел было объяснить, что, мол, не надо репрессий, что сам виноват, что сейчас не стóит ничего делать, что врачи...

Объяснить он ничего не успел. Степаныч ловко перехватил травмированную руку и резко рванул кисть на себя, словно пробку из бутылки шампанского выдергивал.

Виктор охнул и присел от резкой боли. Но это было еще не все.

Пальцами, по ощущениям похожими на гвозди, Степаныч начал мять пострадавший сустав. В глазах Виктора потемнело.

– Степаныч, ты чего делаешь!!! – заорал он не своим голосом.

– Спокойно, – бросил Степаныч, отпуская горящую огнем руку Виктора. – Переломов вроде нет. В холодильнике лед возьмешь, приложишь, шкуру ножницами срежешь, кисть перебинтуешь. День отдыхаешь, с послезавтра две недели работаешь в напульснике. Спецпрограмму индивидуальную на этот период я тебе распишу. Помимо всего прочего будем учить драться. Свободен.

– Учить драться, – ворчал Виктор тогда по дороге домой. – Да я сам кого хочешь...

Однако надо было признать, что без малого за год относительно спокойной жизни армейский навык реального боя практически сошел на нет. Даже топор, забытый в сарае, ржавеет и тупится от безделья. Что уж про человека говорить. Немного расслабишься – и вот тебе, пожалуйста. И кулаки уже не кулаки, и пресс зарос нетолстым пока слоем благополучного жирка, и, того и гляди, скоро хулиганистые подростки у подъезда закурить начнут просить. С неизменными последствиями той незатейливой просьбы...

А потом еще немного – и ты начинаешь себя ненавидеть. За слабость, за трусость, за то, что *сам себя* перестал считать мужчиной. Что может быть страшнее? Но вернуть что-либо назад бывает ох как трудно, порой практически невозможно. На то сразу находится масса причин. С собой же придуманных и оттого еще более непреодолимых...

К тому же у Степаныча было чему поучиться. Последующие месяцы Виктор с несколькими энтузиастами оставался после тренировок на дополнительные занятия. Признаться, скучноватыми они были, те занятия. Никаких тебе ударов ногой в голову и «вертушек» в прыжке. Долби себе тот самый мешок сначала в боксерских перчатках, потом в обычных, кожаных, в которых нормальные люди зимой ходят, а после – через месяц примерно – голыми руками. Сначала легонько, а потом со всей дури. И – что удивительно – кожа на руках только краснела, но у же не слезала как тогда, в первый раз.

Потом Степаныч напяливал на бойцов-энтузиастов самодельные тряпочные шлемы, тряпками же и набитые, и наставлял:

– Выучите два-три удара, но такие, чтоб сразу вырубить. И отрабатывайте их до посинения, пока они рефлексам не станут. Кулаком в нос, после чего – сразу в челюсть. Ага, правильно, вот сюда, крюком в край подбородка. Можно и наоборот, сначала в челюсть. А еще – по яйцам. Тихо, тихо, поответственней, не перестарайтесь. Вот, защиту на колокола наденьте – и вперед. И резче, резче. Одно, другое, третье. И как свалится, носком ботинка по башке добавить, чтоб не встал. И сразу – ноги оттуда, чтоб менты не загребли...

– Злющий ты, Степаныч, – как-то сказал Виктор после такой тренировки, потирая припухший, ушибленный даже через шлем подбородок.

– А ты что, добрый? – окрысился было тренер. Но потом усмехнулся. – Что я, волчару по глазам не вижу? Ты овцу-то из себя не строй. Поди, самому по жизни не только бить людишек приходилось, но и что похуже.

Виктор нахмурился.

Порой казалось ему, что прошлое – это только плохой сон. И когда так казалось, легко на душе становилось. Не напоминали бы вот только, и жить, глядишь, проще б было...

Ан нет, напоминают. Видать, оставляет прошлое след. И след этот – не только воспоминания, о которых хотелось бы думать как о давнем сне...

– Да ладно, – миролюбиво хлопнул тогда Степаныч Виктора по плечу. – Твое прошлое – это только твое, мне до него дела нет. Просто посмотрелся я в свое время на всяких-разных... у которых планка, как у тебя, на одном гвозде держится.

По лицу Степаныча пробежала тень. Видать, и у него было свое прошлое, не для других, о котором вспоминать можно, конечно... Но лучше не стóбит.

– Так вот, – продолжал Степаныч. – Ты ту планку лучше придерживай, чтоб бед не натворить. А если что – так лучше по старинке. Нос, челюсть, яйца. Или наоборот. И без злости, но от души, как будто не бьешь, а учишь уму-разуму. Как по мешку, короче.

«Без злости, но от души. Как по мешку. Сильно сказано!» – думал Виктор, молотя по кожаному снаряду, который теперь – ну не летал, конечно, сто кило как-никак, – но шевелился под ударами вполне ощутимо, жалобно поскрипывая цепью подвески...

Виктор проворно переоделся в тренировочный костюм с кроссовками и пулей вылетел из раздевалки. Не хватало еще от Степаныча втык получить за то, что «копаешься полчаса как клуша, будто в армии не служил».

Степаныч усугублять не стал, только бросил косой взгляд, а вслед за взглядом:

– Разминайся – и на жим леж.

И отвернулся в сторону пыхтящего как паровоз мужика, приседающего в станке со штангой на плечах.

Виктор быстро провел суставную разминку, отжался от пола, по старой памяти потянул ноги на прямой и боковой удары, помахал конечностями туда-сюда, постучал слегка по мешку и направился к скамье для жимов леж.

Видимо, до него на скамье упражнялся или сам Степаныч, или молодец ему под стать. Пыхтя и стараясь не сорвать спину, Виктор сбросил со штанги четыре двадцатипятикиллограммовых «блина» и залез под свою привычную разминочную «сороковку».

Штанга пошла легко, в удовольствие. Виктор набросил с каждой стороны грифа по десять кило и повторил процесс. Шестьдесят пошло тяжелее, но тоже терпимо.

Виктор вылез из под штанги, набросил еще двадцатку и поискал глазами, не освободился ли кто на тему подстраховать, чтоб штанга на грудь не грохнулась.

– Это ты чем здесь заняться собрался?

Виктор обернулся. Степаныч стоял сзади него, переводя взгляд прищуренных глаз со штанги на Виктора.

– С груди жать...

– Вот это?

Подняв брови, Степаныч кивнул на штангу.

– Ну да. Это ж мой рабочий вес.

– Был, – отрезал Степаныч. – Накидывай еще по десятке.

– Сотку блинами? Мне? Плюс гриф? Ты чего, Степаныч, смерти моей захотел?

– Накидывай, говорю! Я сам помогу снять штангу со стоек и подстрахую.

– Ладно, без проблем, – задумчиво пробормотал Виктор себе под нос, направляясь к стойке с «блинами». – Просто жить хочется. И вообще, мне в Японию скоро...

Виктор лег под штангу, взялся за гриф и прикинул, ровно ли лежат на нем ладони. Потом на выдохе вытолкнул снаряд вверх.

Ему показалось, что он поднял по меньшей мере тонну. На руки навалилась непомерная тяжесть.

– Давай вниз осторожно...

Голос Степаныча был где-то далеко, на краю сознания...

Штанга давила не только на руки. Она норовила разорвать легкие изнутри запертым в них воздухом, который только выдохни – и неподъемный снаряд непременно упадет, раздавив грудную клетку.

От обилия этого воздуха в груди перед глазами запрыгали цветные пятна.
– Дави!!! – сквозь завесу пятен донесся сверху рев Степаныча.

И тут в голове Виктора родился *голос*.

Тот самый, давно забытый, страшный и желанный одновременно...

Голос пришел издалека, из-за края вселенной, где он скрывался все это время. Руки сами делали что-то – Виктор фиксировал это краем сознания, – но эта фиксация лишь раздражала, так как все его существо стремительно заполнялось волшебным *голосом*, по сравнению с которым все остальное мироздание – лишь пыль, недостойная внимания...

Он начал растворяться в этой нереальной мелодии. Тело, зал, штанга – все стало зыбким, потеряло цвет и четкость контуров. В том мире, в который сейчас уходил Виктор, не было ни определенности, ни цвета, ни самого мира в том значении этого слова, в каком привыкли понимать его люди. Там был только *голос* – и Виктор, который сам и был этим *голосом*. И счастьем. Бесконечным, невообразимым счастьем, что в принципе было одно и то же.

Но чистота волшебного *голоса* была не идеальной. В нее вплетался другой звук – далекий, еле слышный, но достаточно громкий и грубый для того, чтобы испортить наслаждение полетом и ощущение растворения в красоте, недоступной пониманию смертных. Виктор невольно прислушался к этой чуждой гармонии ноте – и она вдруг стала стремительно нарастать, заглушая и сменяя своим напором прекрасную мелодию...

Он открыл глаза – и невольно снова зажмурился.

Наверху ревел Степаныч:

– Клади!!! Клади штангу, мать твою!!!

Виктор ощутил свои руки. Но ощутил их как-то отстраненно, неестественно, как чувствует начинающий водитель автомобиля связь между баранкой и колесами.

Кости вибрировали, словно перетянутые струны, грозя вот-вот лопнуть от непомерного напряжения. А руки все еще сжимали гриф, который изо всех сил тянул на себя Степаныч, пытаясь положить его на стойки. Виктор увидел вздутые вены на предплечьях тренера и удивился немного – неужели этот бугай штангу из его ладоней вырвать не может?

Виктор попытался ему помочь – но руки не слушались. Им почему-то необходимо было жать-жать-жать штангу до тех пор, пока из них не полезут обломки лопнувших костей.

Это было странно.

Боли Виктор не чувствовал. Не чувствовал он и особого напряжения. Но тело работало само... по им самим заданной программе. И останавливаться не собиралось. Вот только Степаныч мешал...

«Да ну, ерунда какая-то, – пришла лениво-спокойная мысль. – Это ж мое тело. А ну-ка!»

Он представил, как руки кладут штангу на стойки, – и они немедленно повиновались. Вернее, попытались повиноваться.

Одновременно с лениво-спокойной мыслью вернулись и нормальные ощущения нормального человека. А вместе с ними и адекватное восприятие окружающей реальности.

Ощущение реальности нахлынуло резко, словно Виктор вынырнул из какого-то замедленного, зыбкого мира нечетких контуров в нашу привычную обыденность с запахами пота, ревом Степаныча и ватными руками, безвольно сгибающимися под тяжестью перегруженного снаряда.

А сверху свободно и беспрепятственно падала штанга.

«Вот и всё. Финиш».

Эта мысль тоже была ленивой и спокойной. Чего суетиться, когда он, финиш, уже практически настал? Как говорится, поздняк метаться...

Но, может, все же попробовать?

Невероятным усилием – откуда что взялось? – Виктор выбросил вверх и назад свои безжизненные руки.

– Аррр!!! – взревел сверху Степаныч.

Штанга грохнулась на стойки. А по обеим сторонам скамьи упали руки Виктора.

Вокруг скамьи кучковались все, кто был в зале. Они смотрели на Виктора глазами, полными... Страха? Изумления? В общем, не смотрят так на своих, пусть даже учудивших что-то невообразимое.

Так смотрят на чужих...

И тут пришла боль. Виктор застонал и скатился со скамьи на пол.

Боль разлилась по всей верхней половине туловища. Страшно ломило руки, грудь, плечи... Кровь колотилась в виски, в лоб, в глаза, кровь клокотала в горле, пузырясь на губах розовой пеной...

Степаныч устало присел на освободившуюся скамью.

– Гормон роста? – бросил он устало через плечо. – Или кокаин?

– Ч-чего-вввуумммвв? – взвыл-простонал Виктор.

– Чего кольнул-то? Или нюхнул? Скорую вызывать, чтоб кровь почистили?

– Н-не надо...

Боль стала притупляться. Но это не значило, что надо вставать с пола и расцеплять свои ладони, вцепившиеся в плечи. Виктор боялся, что та, острая, нереальная боль вернется. Но еще больше боялся он, что вместе с болью вернется *голос*...

– Все свободны, – чуть повысил голос Степаныч. – На сегодня хватит. Потренировались...

– Да-да, конечно, – засуетились застывшие в легком ступоре завсегдатаи качалки. – Мы это... мы ж понимаем... такое дело... – и поспешно направились к раздевалке, отчего-то пряча глаза.

– А здоров ты орать, – покачал головой Степаныч. – Жутко даже.

Он сидел на скамье. Сгорбившийся, седой человек, разом постаревший лет на двадцать. Виктор с пола видел его спину, бугрящуюся мышцами из-под майки-борцовки. Но сейчас эти мышцы казались какими-то вялыми, лишенными жизни, словно куча проколотых воздушных шариков с жалкими остатками воздуха внутри.

Виктор осторожно пошевелился. Вроде терпимо.

Он рискнул чуть расслабить пальцы. И это прошло удачно, если не считать того, что разогнуть их было все еще непросто. Кончики пальцев пробороzdили по спортивному костюму на манер когтей полудохлого кондора и Виктор облегченно распластался на полу, буквально чувствуя, как стекает с его мышц в ковровое покрытие спортзала тягучая боль.

– Ничего такого не было, Степаныч, – сказал он. – Ни гормонов, ни кокаина. Просто плющит меня... иногда.

– Нехило же тебя плющит, – покачал головой Степаныч. – А я еще, дурак старый, «дави-жми».

– Ничего не попишешь, рабочий подход, – осторожно развел губы Виктор в попытке улыбнуться. Вроде и морда цела. Губы не прокушены, коронки во рту не катаются как шарики в погремушке – и на том спасибо.

Степаныч медленно развернулся в сторону Виктора и навис над ним, словно настоящий мифический Геракл над издыхающей гидрой.

– Смотрю, ты вроде как уже оклемался. Почти, – сказал он задумчиво. – Так вот, запомни на будущее. Нет в жизни ничего такого, ради чего стоит надрывать до последнего. Всегда что-то надо про запас оставлять. На всякий случай. Иначе или повнешься, или крышку снесет напрочь. Рабочий подход – он, конечно, до полного отказа, до кругов перед глазами, до боли нестерпимой. Но головой-то ты должен понимать, где тот подход во благо, ради своей цели, а где – дурь. Своя ли, чужая ли – без разницы. Во всяком деле своя стратегия должна быть.

– Да ты прям Сунь-Цзы, – сказал Виктор, по частям поднимаясь с пола.

– Кто я? – прищурился Степаныч.

– Сунь-Цзы. Стратег такой был в Древнем Китае. Книгу написал знаменитую. «Искусство войны».

Взгляд Степаныча немного смягчился.

– В Китае, говоришь... Дельная, значит, книга была, если из древности до нас дошла.

Виктор подошел к скамье и, слегка кривясь, опустился рядом со Степанычем. Еще не до конца отошедшие руки давали о себе знать.

– А я, наверно, в Японию уеду, – неожиданно для себя сказал Виктор. Вроде не собирался никому говорить, а вот на ж тебе...

Степаныч как бы даже и не особо удивился. Только спросил:

– Насовсем?

– Не знаю, – осторожно пожал плечами Виктор. – Вроде как на три года обещали. А там – как получится.

– Это, считай, насовсем, – сказал Степаныч. – Если и вернешься, то уже не наш будешь.

– Да ладно тебе, – слегка обиделся Виктор. – Как это не наш? Я ж свой, российский!

– Был бы свой – здесь бы остался. Хотя...

Степаныч вздохнул.

– Хотя – кто его знает. Может, в этом и есть твой самый что ни на есть рабочий подход. Ты ж, как я понимаю, не на курорт туда отдыхать едешь?

– Правильно понимаешь, тренер, – кивнул Виктор.

– А сюда типа попрощаться заехал.

Виктор снова кивнул.

– Ясно, – сказал Степаныч. – Ну что ж, в добрый час. Только смотри, не порвись там, в Японии. И крышу свою придерживай. Помни, что я тебе про стратегию говорил...

* * *

Перед тем как подрулить к своему дому, Виктор дал еще пару ностальгических кругов по городским улицам. Так сказать, попрощался с юностью. А может, просто напоследок захотелось набраться дополнительных ощущений от относительно недавно сбывшейся мечты о собственном автомобиле... Кто его знает, когда еще придется посидеть за рулем своей машины...

Жил Виктор на прежнем месте, в той же квартире, оставшейся им с сестрой от родителей. Конечно, по идее, с появлением некоторой финансовой стабильности (до того, как она стала крайне нестабильной) стоило бы, наверно, продать непрезентабельную «двушку» в «хрущобе», чтобы, добавив некую сумму, приобрести что-то более просторное и презентабельное. Но, как говорят американцы, «home, sweet home»⁷. То есть не хотелось почему-то продавать с детства знакомые и родные стены, которые еще помнили погибших родителей Виктора.

Потому и оставил он все как есть, лишь несколько облагородив интерьер посредством смены полов, обоев, сантехники, установки дверей – железной входной и сосновых межкомнатных, выдиранием старых сгнивших окон и вставкой современных английских стеклопакетов, а также приобретением видеоаудиоаппаратуры...

Словом, забабахал Виктор во времена бные серьезный и полноценный евроремонт квартиры в пятиэтажной «хрущобе» на зависть соседям, которые даже афроремонт себе позволить не могли. На эту тему у некоторых местных старушек, сидящих на лавочках у подъездов, порой проскальзывала идея, что, мол, рехнулся владелец продуктового магазина от нежданно свалившегося благосостояния, вот и чудит не по-детски. Так, может, не завидовать, а пожалеть его надо? Когда Бог кого наказать хочет, того он, как известно, или шизофренией наградит, или

---

⁷ Home, sweet home (англ.) – дом, милый дом.

белой горячкой – что на Руси случается намного чаще шизофрении. Или же вот, пожалуйста, пример – болезнью редкой и науке неизвестной. Кто ж в здравом рассудке будет в древнем доме, который разве что на снос годится, такие ремонты закатывать?

Но Виктору на мнение соседей было наплевать. Единственное неудобство – на пятый этаж каждый день пешком топать да мусор таскать до помойки. Так это понимающему человеку только в радость – лишняя тренировка.

На дворе была уже ночь, когда Виктор припарковал внедорожник у своего подъезда. Заглушил двигатель, посидел с полминуты на месте, провел ладонью по торпеде... Потом вздохнул и вышел из машины. Но, прежде чем захлопнуть дверцу, посмотрел по сторонам, нагнулся, порылся под водительским сиденьем, вытащил продолговатый предмет и засунул его за пазуху.

Автомобиль вякнул сигнализацией. Виктор вошел в подъезд. Коротко звякнули ключи, упав на дно почтового ящика.

Перепрыгивая через ступеньку, Виктор привычно взлетел на пятый этаж и, проверив дыхание – ничего, даже не задохнулся, есть еще порох и все, что к нему прилагается! – хитрым ключом отпер замок железного монстра, с большими трудностями привезенного из Москвы. Того самого, которого, как утверждала навязчивая реклама, свалить намного тяжелее, чем Тайсона. Хотя какой ненормальный, будь он даже сам Льюис, будет молотить кулаками в стальную дверь?

Виктор потянул на себя тяжелую конструкцию, шагнув в темноту коридора, прикрыл ее за собой и стал шарить по стене, нащупывая выключатель...

И вдруг замер с поднятой рукой.

После памятных событий без малого годичной давности у него начали обостряться все пять чувств. Он стал различать запах сигаретного дыма у себя в офисе на втором этаже магазина в то время, когда кто-то портил себе здоровье внизу у дверей. И порой одновременно при этом мог слышать, как перемывают ему косточки две закурившие продавщицы. Причем объяснить эти моменты биографии конструктивными особенностями магазина было затруднительно – свой продуктовый рай Виктор строил на совесть и основательно. К тому же, например, в лучшем ресторане города он по вкусу стал отличать свежую осетрину от вчерашней размороженной. Или в абсолютной ночной темноте во время бурных ласк с очередной пассией Виктор порой замечал ее скучающий взгляд, тщательно скрывааемый при свете дня... И, невольно морщась от брезгливости, осязал подушечками пальцев поры ее кожи и выступившую из них скользкую мешанину из жира и пота. И, если честно, ну их на фиг такие дары природы! Жил бы без них дальше и жил, как все нормальные люди. А то не жизнь, а сплошные неудобства на фоне феноменальных особенностей организма.

– Чуешь? – спросила темнота. И добавила после паузы: – Чем пахнет?

– Чую, – вздохнул Виктор. – Пахнет тобой, духами и проблемами.

И включил свет.

– Это хорошо, Витёк, что чуешь, – кивнула Александра. – Цудзигири не прошло даром. Хотя Стаса жалко. Иногда.

Она валялась на кровати. На ней был черный джинсовый костюм и сапоги того же цвета, снабженные острыми стальными каблуками.

– Да, прикольный был чувак, – согласился Виктор, снимая куртку и пристраивая ее на вешалку вместе с короткой железной дубинкой, замаскированной под сложенный зонтик. – Когда людей не мочил. А мочил он их, по ходу, практически всегда. Не своими руками, так чужими. К тому же, помнится, с некоторых пор ты меня уважаешь настолько, что из Витька я переименован в Виктора.

– Понятно, – усмехнулась Александра. – Как было отмечено ранее, после цудзигири вместе с финансовым подъемом у нас наблюдается подъем здоровой иронии и интеллекта. И самосознания себя именно Виктором, а не Витьком.

– А у тебя, я смотрю, наблюдается резкий спад хороших манер, – сказал Виктор. – Чего в сапожищах на кровать залезла?

– Так сцена моего неожиданного появления эффектнее смотрится, – зевнула Александра. – Не нуди, Виктор, не разочаровывай прекрасную даму. Лучше окажи ей достойный прием. Мы ведь полгода не виделись, мррр? Мог бы уж быть полюбезнее.

– И говоришь ты в той же манере, как и он, – проворчал Виктор, развязывая шнурки ботинок. – Стас помер, но дело его живет. Говори, с чем пожаловала?

– Соскучилась. Устраивает тебя такой вариант?

– Бреешь, – сказал Виктор, разгибаясь и втягивая в себя воздух. После странного происшествия в качалке грудь еще заметно болела. – На хрена фирму мне развалили?

Александра скривилась.

– Как был деревней, так и остался, – констатировала она. – И никаким цудзигири это не лечится. Что прикажешь с тобой делать, если по-русски не понимаешь? Позвонил бы людям по-хорошему – и договорились бы по-хорошему. А так... Скажи спасибо, что башку тебе не развалили.

– Я в твоих диагнозах не нуждаюсь, – окрысился Виктор. – «Деревня»... Тоже мне, городская нашлась. Говори, чего надо, – и проваливай.

Неожиданно в глазах Александры мелькнул интерес. Ее и без того огромные кошачьи глазищи стали еще больше.

– Хмммяу... – пробормотала-промурлыкала она. – Так еще со мной никто не разговаривал. Не боишься?

– Чего? – устало спросил Виктор, подходя к кровати. – Что сейчас ты мне кишки своими каблуками протыкать начнешь?

– Возможны варианты, – полумявом-полушепотом произнесла Александра.

– Это понятно, – кивнул Виктор. – Например, ногтем по шее.

– Ты думаешь, мужиков я могу только убивать?

Ее глаза затягивали в свою бездонную глубину. Виктор почувствовал это всеми частями своего тела. Особенно ретиво отозвалась та часть, которая – как утверждает народная мудрость – часто заменяет мужчине мозги.

– Да как-то сомневаюсь я, что они тебя трахают, – в некотором смятиении пробормотал Виктор, невольно отодвигаясь от медленно приближающейся Александры.

– Пра-а-авильно сомн-н-неваешься...

Сейчас она напоминала Багиру из «Маугли», крадущуюся к зазевавшемуся бандерлогу.

– Пра-а-авильно... Это я их трахаю!

Молниеносным движением она схватила Виктора за грудки и с неженской силой рванула его на себя. От неожиданности Виктор потерял равновесие, но в этот момент та же сила резко повернула его на сто восемьдесят градусов.

Он упал на кровать. Во все стороны полетели пуговицы его рубашки. А еще через мгновение он понял, что его ремень и брюки чудесным образом расстегиваются без какого-либо участия с его стороны.

По правде говоря, Виктор не особо сопротивлялся. Да и какой мужик в своем уме откажется от секс-атаки воплощенной во плоти и крови как минимум двоюродной сестры Анжелины Джоли? Правильно, никакой. Только Виктор не удержался и все-таки пробормотал про себя:

– Надо же, первый раз в жизни ниндзю трахать буду.

Александра замерла на секунду, потом резким рывком рванула вниз молнию на брюках, над которой до этого трудилась довольно нежно, слегка прищемив при этом хозяину ширилки вышеописанную часть тела.

Виктор дернулся было от неожиданности... но вскочить с кровати ему не дали. Каким-то образом уже освободившаяся от джинсов Александра сильно толкнула его в и без того ноющую грудь.

Виктор задохнулся от боли и снова упал на кровать. Александра одним текучим движением уселась на него сверху и, усмехнувшись, сказала:

– Ты, похоже, не расслышал, Виктор. Это не вы – меня. Это – я – вас – трахаю!

Одновременно с этими словами она начала двигаться.

Если и были у Виктора какие-то возражения по этому поводу, то они разом куда-то подевались. Потому как то, что сейчас делала с ним Александра, было жалким подобием тех ощущений, что он испытывал прежде со всеми своими бывшими женщинами.

Это был не секс. Это была изощренная, сладкая пытка.

Он уже почти доходил до кульминации – но его резко возвращали на землю, не давая действию логически завершиться. Это мог быть укол ногтем – странно приятный, но отвлекающий от основного процесса, служивший началом новой, другой волны наслаждения. Или невнятный шепот на ухо. Или надавливание подушечкой пальца на какую-то точку, от которой по телу во все стороны растекались сладкие текущие волны.

Ее пальцы и ногти как на музыкальном инструменте играли на теле Виктора, возбуждая неизвестные ему до этого эрогенные зоны. Это было что-то вроде массажа, и трудно было сказать, чего больше хотелось ему – чтобы скорее возобновилось периодически прерываемое движение ее тела либо чтобы продолжался этот, мягко говоря, необычный массаж, от которого все тело пело от наслаждения.

Она сбросила джинсовку.

Под джинсовкой больше ничего не было...

В сладком тумане видел Виктор, как движется каждая мышца ее великолепного, тренированного тела, – и чувствовал, как работают не менее хорошо тренированные мышцы внутри него. Она умело чередовала массаж и волнообразные движения бедер – и от этого чередования Виктор почувствовал, что еще немного – и он может сойти с ума. Мука – и душевная, и уже физическая – от того, что его молодой, здоровый организм не может завершить естественный природный процесс, смешалась с нестерпимыми волнами неземного удовольствия. И терпеть этот сладостный и одновременно чудовищный контраст дальше было невыносимо. Как невыносимо было от него отказаться. Разум Виктора неумолимо приближался к грани, которая отделяет человека от сумасшествия... когда Александра, одновременно нажав пальцами на какие-то одной ей известные места на животе Виктора, резко свела бедра.

Это был даже не гейзер. Это было извержение вулкана. Виктору показалось, что одновременно с тем, что положено, из него выплеснулись все его внутренности.

За секунду до завершения процесса Александра соскользнула с Виктора и сейчас с усмешкой наблюдала, как трепещет его тело, освободившееся от пытки основным инстинктом.

– Что это было? – простонал Виктор, когда его нижняя часть тела перестала содрогаться в конвульсиях.

– Одна из граней искусства куноити, – хмыкнула Александра. – Так можно дарить сказочное наслаждение любимому человеку. Или можно свести с ума правителя, для того чтобы самой управлять и им, и страной... А можно и убить...

– Убить?

Сейчас Виктор начал помаленьку осознавать, что она, пожалуй, была недалеко от истины. Если бы ему до этого сказали, что можно затрахать насмерть молодого здорового мужика, он бы, пожалуй, рассмеялся. Но сейчас...

– Ага, – кивнула Александра. – Отказывают или мозг, или сердце. Так что в Японии выбирай, с кем в койке будешь барахтаться.

Виктор отрешенно глядел в потолок.

– Слушай, – сказал он. – А тогда, помнишь, в подвале. Когда ты в меня из автомата целилась. Ты действительно собиралась меня... ну... того...

Александра рассмеялась.

– Как там говорил твой закадычный друг Афанасий? «Стрелять в человека, с которым пил, всегда тяжело». Вот и исходи из этого.

– Афанасий тогда в меня не выстрелил, – медленно сказал Виктор. – Хотя мог... Слушай, а на кой я вам вообще сдался? Опыты на мне проводить будете?

– Это не мне решать, – ответила Александра. – Вот приедешь – и там расспрашивай, кто, да что, да зачем. А я – в душ.

Она слезла с кровати.

– Слушай, а что ты там тогда говорила насчет того, что потом придется типа киллером на вас работать? – сказал Виктор ей в спину. – Это серьезно?

– Так тебе ж не привыкать, – бросила Александра не оборачиваясь. – И на будущее, чтоб совесть свою успокоить, думай о том, что мочишь только очень нехороших людей. Сам уже понимать должен – кто ж хороших-то убивать будет? Кому они нужны, хорошие?

Она шла по коридору к ванной, а Виктор из комнаты смотрел на ее совершенную спину, ягодицы, ноги и думал, рискнет ли он еще раз лечь в постель с этой женщиной?

За Александрой закрылась дверь ванной. Послышался звон водяных струй, разбивающихся о ее бронзовое тело.

– Да ну! – сказал Виктор, откидываясь на подушку и вновь втыкая взгляд в потолок. – Лучше уж наших Машек трахать. По крайней мере будешь знать, что тебя потрахом не завалят и дауном не сделают. Или не пристрелят ненароком.

Дверь ванной комнаты была дубовой и, как следствие этого, абсолютно непрозрачной. К тому же Виктор смотрел в идеально белый после евроремонта потолок, изуродованный дурацкой лепниной. И на фига дизайнера приглашал? Руки бы оторвать тому дизайнеру. По самые ноги.

Он криво усмехнулся. Сам себя не обманешь и мыслями о мести идеологическому отцу потолочных наворотов от насущного не отвлечешь. Перед глазами навязчиво маячило загорелое тело Александры в облаке микроскопических осколков водяных капель, разбивающихся об ее упругую кожу.

– Одним словом, брешь ты, Виктор, – констатировал кандидат в ниндзя. – Сам себе брешь...

Она вышла из ванной и, нимало не стесняясь ни своей наготы, ни взглядов Виктора, который все же предпочел созерцание потолка более приятному для глаз зрелищу, словно по подиуму прошла по коридору и царственным жестом кивнула Виктору на открытую дверь ванной.

– Твоя очередь.

– Слушаюсь и повинуюсь, госпожа, – горестно промолвил Виктор, сползая с кровати и направляясь в ванную.

– Давно бы так, – сказали за спиной. – Глядишь, и магазин бы за тобой остался.

– Ну не сука?.. – простонал Виктор, скрываясь за дверью...

Единственное полотенце после Александры было мокрым. Потому из душа Виктор вылез слегка сырым с прической, наспех облагороженной растопыренной пятерней.

Александра сидела на кровати в позе лотоса, полностью одетая и в сапогах. Перед ней лежала Викторова катана.

– Нравится? – усмехнулся Виктор.

– Нравится, – вздохнула Александра. – Всегда нравилась. Как такое может не нравиться? А ты его на крюк в стене подвесил. Что, подставку не мог заказать, варвар?

Меч, наполовину извлеченный из ножен, был действительно прекрасен. Лунный свет, падая из окна, ласкал клинок, а тот причудливо переливался, словно вбирая в себя лучи мертвого светила... и сам становясь этими лучами, заключенными в прозрачную оболочку из металла стариннойковки.

– Подставку... Ага. Под самурайский меч. Заказать. Дяде Коле-алкоголику. И объяснить: «Я, дядь Коль, хочу катанакакэ заказать». Он мне тоже объяснит, что первую часть слова не знает, зато вторую сделает лично для меня прямо сейчас и бесплатно.

Виктор подошел к кровати. Шутить расхотелось.

– Иногда этот клинок кажется мне живым, – признался он.

– Он и есть живой, – слегка дрогнувшим голосом сказала Александра. – В нем больше жизни, чем в нас с тобой. Меч такой силы забирает себе души всех, кого он убил. И если в том, кто им владеет, недостаточно личной силы, то скоро эта катана будет владеть своим господином. Предварительно забрав себе его душу. Или уничтожив ее, если эта душа ни на что не годится. В древности японцы называли такие мечи «жадными до крови» и убивали их вместе с Мастерами, изготовившими настолько ужасное абсолютное оружие⁸.

– Жути нагоняешь ближе к ночи? – усмехнулся Виктор. Но в его словах не было уверенности. – Хотя... Знаешь, иногда мне самому что-то такое кажется. Ну, типа, что он живой и всё такое.

– Правильно кажется, – кивнула Александра. – Одно не пойму – у таких мечей, как и у людей, есть своя карма. И с каким же это вывертом повернулось Колесо Великого Предела, что Путь такого меча пересекся с хмм... тропинкой периферийного цунэбито⁹?

Виктор задумчиво посмотрел на Александру. Что такое «цунэбито» он не знал, но по оттенку голоса Александры понял, что что-то весьма для него нелестное.

– Интересно, – сказал он. – Ты для того со мной трахнулась, чтобы узнать, что во мне такого особенного?

– Не знаю, – пожала плечами Александра, не отрывая замороженного взгляда от клинка. – Американцы называют это «мейк лав». Делать любовь. Иначе говоря, захотелось, и все.

– Не знаю, как в Штатах, а в наших детских садах так бывает, – сказал Виктор. – И в школе, в младших классах. Когда пацан нравится, то девчонка его по-всякому оскорбляет и норовит унижить. Чтобы внимание к себе привлечь.

– Ага, – кивнула Александра. – Твой случай. Ты мне безумно нравишься, и я не знаю, как привлечь к себе твоё внимание... Все, не могу больше!

Она с силой вогнала катану в ножны.

– В себя затягивает... Короче, ненаглядный ты мой.

Она свесилась с кровати и, достав из-за ее спинки длинную кожаную сумку, бросила ее Виктору.

– Держи. Это твоё.

– Что это? – удивился Виктор.

– Говорю же, твоё имущество. Открывай. Только осторожно.

– Чего опять подстроили? – мрачно спросил Виктор, с некоторой опаской развязывая туго затянутые шнурки. – Не могли в сумку молнию вшить?

Александра покачала головой, но ничего не ответила. Мол, безнадежен пассажир, и могила его не исправит. Только крематорий.

⁸ Исторический факт.

⁹ Цунэбито (яп.) – простолюдин, крестьянин.

Виктор наконец развязал шнурки и вытащил наружу сверток плотной материи, перевязанный черным шнуром. Он положил сверток на кровать, развязал шнур, развернул материю...

Это был еще один меч.

На этом мече, в отличие от изукрашенной богатой отделкой катаны, не было ни узоров, ни камней, ни даже намек на какие-либо украшения. Вряд ли можно было назвать украшением едва заметную цепочку иероглифов, вдавленных в поверхность ножен и почти неразличимую на общем фоне. И отделка, и сами ножны, и оплетка рукояти меча были цвета абсолютной, непроглядной ночи. Под оплеткой угадывался крашенный в тот же цвет слой пупырчатой кожи ската.

В целом меч не производил впечатления дорогой вещи. Даже лак на ножнах, выполненных из твердого материала, похожего на дерево, был невыразительно-тусклым. Свет словно тонул в этом мече, словно тот был сработан из куска космической черной дыры.

– Ниндзя-то, – прошептала Александра. – Меч ниндзя. Брат твоей катаны.

– В смысле? – переспросил Виктор, не в силах отвести взгляда от нового меча.

Он чувствовал.

Он научился чувствовать *это* после многих ночей, проведенных в одной комнате с катаной. В новом мече таилась та же магия, что и в катане, доставшейся Виктору после смерти Стаса. Магия давно ушедших в прошлое битв, стонов умирающих врагов и, возможно, неслышные стенания их душ, по словам Александры навечно заключенных в металлическую плоть их клинков.

Короткий меч тоже был убийцей, таким же «жадным до крови», как и его брат.

– Их сработала рука одного Мастера, Сигэтаки из Эдо. А потом он убил своего создателя.

Александра погладила катану, лежащую у нее на коленях.

– Этот вакидзаси, – она кивнула на черный меч, размерами больше похожий на очень длинный кинжал, – лежал в багажнике машины, на которой Стас приехал в «Пагоду» в тот день... что стал для него последним.

По ее лицу пронеслась едва заметная тень, но ее речь осталась такой же твердой и размеренной.

– Когда клуб обрушился, кусок крыши спланировал на машину и превратил ее в лепешку. Ножны и рукоять меча размололо в щепки. Но клинок не пострадал, хотя был чуть ли не кольцом завернут вокруг бетонного блока, который грохнулся на него с высоты в пять этажей. Такие мечи не ломаются. В отличие от людей... Не трожь! – крикнула она.

Потянувшийся было к мечу Виктор застыл на месте.

Александра бережно положила катану на кровать и взяла в руки черный меч.

– Современный Мастер якудзы из знаменитого клана Ёсимунэ сделал из древнего вакидзаси меч ниндзя. От старого меча здесь только клинок. Остальное – современные технологии на базе современного ниндзюцу. И пока историки спорят, были у ниндзя в Средние века специальные мечи или не были...

Клинок с еле слышным шипением покинул ножны. Он тоже был непроницаемо черным. Современный Мастер покрыл древнее оружие светопоглощающим напылением, под которым угадывалась искусная гравировка – знакомый дракон, сжимающий в лапе драгоценную жемчужину. И какая-то надпись.

– ...у тебя, Витя, будет самое совершенное в мире оружие, – шепотом закончила фразу Александра.

Она откровенно любовалась мечом, осторожно поворачивая его и так и эдак в потоке лунного света. Клинок, прямой, словно грань черного бриллианта, почему-то вызывал ассоциации с дремлющей до поры до времени акулой.

«Интересно, она когда-нибудь такими глазами на мужика глядела, – отчего-то неприязненно подумал Виктор. – Маньячка чертова. Тоже мне, мейк лав потому, что захотелось».

– И за что же мне такая милость? – язвительно осведомился он. – И катану оставили, и ниндзячий меч подогнали за здорово живешь...

– Это закон якудзы, – сказала Александра, продолжая восхищенно рассматривать меч. – Если один член Организации убивает другого, который вызвал его на смертельный поединок, то все его имущество переходит к победителю.

– А если наоборот?

– А если наоборот...

Александра с благоговением вложила черный меч в ножны и, положив его на кровать строго параллельно катане, наконец-то удостоила Виктора взглядом.

– ...то победитель предстает перед судом якудзы и объясняет, с какой это радости он причинил ущерб Организации, убив ее члена. Еще вопросы будут?

– Ага, – сказал Виктор. – Что там на мече написано?

– «Отнимая жизнь у противника, помни – это не самое ценное, что ты можешь у него отнять», – перевела Александра.

Виктор призадумался, повертел фразу и так и эдак... Ни черта не понятно. Что может быть ценнее жизни? В общем, очередной восточный замут, не стоящий того, чтобы ломать об него голову.

– Это все, чем владел Стас? – кивнул Виктор на мечи. – Помнится, кто-то когда-то говорил что-то насчет того, что у Стаса в Японии свой ресторан и отель с видом на Тихий океан...

Александра прищурилась.

– Да... Ты ушлый стал, как я погляжу. Барыжные дела на пользу пошли. Только губу закатай обратно. Все остальное принадлежит Организации.

– Ясно.

Пара мечей притягивала взгляд.

– Посмотреть-то можно?

– Посмотри, – хмыкнула Александра. – Только не покалечься, надежда якудзы.

Она вновь взяла черный меч и протянула его Виктору.

– За ножны берись. Предупреждаю – за рукоятку хватать осторожно. Нажимаешь на мэнуки справа – из рукояти вылетает штырь со стальной двадцатиметровой проволокой, за счет которой вторым нажатием возвращается обратно. Каждое нажатие на мэнуки слева – бесшумный выстрел со стороны клинка сквозь отверстия в цубе. Отверстий два, стало быть, и выстрелов всего два. Потом – довольно сложная перезарядка, но ты освоишься, я в тебя верю. И пули, и штырь пробивают двухмиллиметровую титановую пластину, накрытую сверху бронжилетом пятого уровня защиты¹⁰. Ножны со снятым кодзири, помимо основного назначения – трубка для дыхания. Они же – духовое ружье. Ближе к

рукояти в них спрятаны два многоцелевых кинжала. Кинжалы вставляешь в отверстия ножен с обеих сторон – получаешь двустороннее копьё. Это основное. Запомнил?

– Погоди, погоди. А цуба – это...

– Гарда меча. Кодзири – наконечник ножен. Мэнуки – кнопки на рукояти в виде эмблемы школы. Мог бы уж догадаться по тексту.

Виктор, не обращая внимания на ее язвительный тон, осторожно провел пальцем по выдавленным на ножнах иероглифам.

– А это что?

– Отрывок из стихотворения великого ниндзя двенадцатого века Исэ Сабуро, сподвижника не менее великого полководца Ёсицуне Минамото. «Того, кто встанет на пути синоби, не защитят Kami и Будды». А на другой стороне – девиз гэндзицу-рю, самой древней школы

---

¹⁰ Меч с подобными характеристиками не есть плод досужего вымысла автора. Тульским изобретателем полковником ВДВ Ю. С. Даниловым разработана серия боевых ножей со схожими характеристиками, в т. ч. и для подводной стрельбы.

ниндзюцу. «Уважение к противнику – это Путь к совершенству. Освобождение его духа от оков несовершенного тела есть благодарность за возможность опробовать на нем свой удар».

– Сильно! – восхитился Виктор, доставая меч из ножен. – Силен ваш Мастер, крутой девиз нарыл. А как перевести гэндзицу-рю?

– Дословно, пожалуй, школа реального результата. Но европейцу, вероятно, будет ближе что-то типа «реальный уличный бой» или «искусство гарантированной победы». Устраивает?

– А почему гарантированной?

Александра возвела глаза к потолку, типа «достал ты, парень, своими тупыми расспросами», но все же ответила:

– Потому что, когда ниндзя школы гэндзицу-рю брался за заказ, можно было считать, что результат гарантирован. Мастер Ёсимунэ, воссоздавая отделку меча, решил сделать ее в стиле этой древней школы.

– А та пачка ваших ниндзей, что на гранате подорвалась, была той школы... как ее? Гэндзицу-рю? – ехидно поинтересовался Виктор.

– Они были учениками и погибли, выполняя свой долг, – отрезала Александра. – А искусство гарантированной победы – это, скорее всего, легенда. Хотя говорят, что этой школой до сих пор владеет самурайский клан Сагара. Это об адептах гэндзицу-рю сказано: «Они приходят из пустоты и уходят в пустоту, не оставляя следов».

– В смысле «в пустоту из пустоты»?

Александра усмехнулась.

– Говорят, в Средние века ниндзя умели перемещаться в сфере второго внимания – мире, который не видят обычные люди.

Виктор хмыкнул.

– Понятно. Сказки для взрослых дядюшки Кастанеды. Я тут полистал на досуге – такое только по обкурке читать можно. Кстати, просто ради любопытства – а чем те Сагара занимались, владея такой школой и такими способностями?

– Восстанавливали равновесие, – коротко ответила Александра. – Все, Витя, хорош трепаться. То, что мне было поручено, я сделала, а сейчас твое приятное общество начинает меня тяготить. Ба-ай.

Она встала с кровати и направилась к двери. Ее каблук оставляли в дубовом паркете маленькие дырочки.

– Пока, – несколько растерянно сказал Виктор ей вслед.

Странная тёлка... Только что трахались как сумасшедшие – и вдруг «Ба-ай!», как будто ничего не было...

– А мне-то что делать? – вырвалось у него.

– Собирайся, – бросила через плечо Александра. – Завтра в восемь утра за тобой приедут.

Дверь мягко хлопнула об косяк.

Виктор остался сидеть на кровати с мечом в руках, тупо глядя на прямоугольник входной двери.

– Не, реально – все бабы – су...

Глубокомысленный вывод был прерван резким «шшуххх»!

– Ох ты, ёпт!!!..

Виктор аж подпрыгнул на кровати. Вероятно, он сам не заметил, как рукой нажал на одну из «кнопок» на рукоятке меча. Металлическое навершие рукояти отлетело в сторону, отдачей меч вырвало из руки, и тончайший стальной трос пропорол кожу между большим и указательным пальцами. Кровь хлынула нешуточно.

– От ведь, япона мама! – простонал Виктор, бросаясь на кухню за йодом и бинтами.

И то и другое нашлось в избытке. Спасибо соседу Севе Франкенштейну, натаскал с работы всякой медицинской дребедени, включая полный набор хирургических инструментов.

При этом мотивировал он свои противозаконные действия просто: «А чо? Все равно по два месяца зарплату не платят. Хоть хорошему человеку помогу».

Остановив кровь и кое-как намотав на руку бинт, Виктор направился обратно в спальню.
– Вот ведь, блин!

Он чуть не напоролся голой грудью на почти невидимую струну, протянутую через всю комнату. Неизвестно, каким новым порезом могло бы закончиться подобное столкновение, – трос был настолько тонким, что даже при слабом натяжении вполне мог просечь и кожу, и мышцы.

– И на хрена мне такие подарочки? – с возрастающим раздражением произнес Виктор. Потом проследил взглядом направление уходящей в сумрак коридора струны...

– Ну ни фигя себе!

Он подошел к входной двери. В трехмиллиметровой стальной пластине, намертво всажженный в нее до середины, торчал ребристый штырь из неизвестного металла.

– И что прикажешь теперь с тобой делать? – задумчиво спросил Виктор. – Дверь за две штуки баксов автогеном взрезать?

Штырь собеседником оказался неважным.

Виктор помедитировал на него с полминуты, потом плюнул и совсем уже собрался было идти спать, оставив это дело на совести тех, кто должен был приехать за ним «завтра в восемь утра», как неожиданно в голову ему пришла одна мысль.

Он вернулся к кровати и осторожно взял в руки донельзя функциональный... как его там по-японски? Ниндзя-то?

Две черные «кнопки», которые Александра назвала мэнуки, находились под оплеткой рукояти. Одна из них была выполнена в форме знакомого дракона, сжимающего в лапе круглую жемчужину. Другая – в виде эмблемы. Черный знак инь-ян, пробитый прямым японским мечом.

Виктор закусил губу.

Воспоминания были слишком свежими. И слишком много сил он приложил для того, чтобы забить их как можно глубже, в самые далекие уголки памяти. И как можно реже доставать их оттуда. Потому что избавиться от них, похоже, было делом безнадежным.

– Значит, гэндзицу-рю, говоришь... Эмблема древней Школы. Понятно...

Он зажмурился и тряхнул головой. Да, точно, один в один.

Такие же символы он видел на теле Стаса.

Гэндзицу-рю.

Самая древняя Школа ниндзя...

Интересно, выпендривался Стас, делая себе наколку в виде символа утраченной Школы, или же она появилась на его теле неслучайно? Н-да... Вопросы, вопросы – и ни единого намека на ответ.

– А ты ожидал чего-то другого? – горько усмехнулся Виктор. – В то же болото, Витя. В то самое болото завтра с утра – шагом марш!

Он легонько провел подушечкой большого пальца по дракону на рукояти меча, но, помятуя недавний опыт, нажимать не стал.

– Выстрелы, говоришь? Хорошо, Саша, верю на слово.

Виктор осторожно дотронулся до троса, уходящего в темноту.

– Вот все-таки Сашенька сука, – задумчиво произнес он. – Типа, на тебе, любимый, мину, разбирай, осваивай... Японская якудза-то, может, и не против заполучить секрет полной отможенности. Но при этом, если я ненароком проткну себя этой хреновиной, завтра в восемь утра никто под дверь в истерике биться не будет.

Штырь по прежнему торчал во входной двери. Виктор изо всех сил ухватился за рукоять двумя руками и нажал на вторую «кнопку».

Его с чудовищной силой дернуло вперед и протащило с метр по полу, но он ценой огромного усилия все же смог устоять и не воткнуться носом в паркет.

С противным скрежетом вылетел из двери ребристый штырь, и будто кузнечным молотом ударило в рукоять меча...

Ниндзя-то вылетел из рук Виктора, словно он держал в руках реактивный снаряд.

Виктор обернулся.

Всаженный в стену на треть клинок вибрировал как натянутая струна. Сверху что-то затрещало, посыпалось, и с потолка на пол рухнул солидный кусок лепнины.

– Вы что там, совсем охренели!

Голос за стенкой был полон неподдельного гнева.

– Полпервого ночи! Людям завтра на работу вставать!

– Да, да, – тихо сказал Виктор стене. – Нам тоже завтра вставать. Вернее, уже сегодня.

Он подошел к стене и взялся за рукоять меча. Стараясь не дотрагиваться до фигурных кнопок, потянул...

Не тут то было!

Клинок засел в стене намертво.

Виктор набрал в грудь воздуха, уперся ногой в стену и рванул со всей дури.

Меч вылетел из стены. Вместе с мечом с потолка рухнул на пол еще один кусок лепнины, побольше.

– Ах ты, сука! – взорвался голос за стеной. – Ты что, издеваешься?! Да я щас вычислю, где ты живешь, возьму битую и так тебя отхерачу!..

– Возьми, – пожал плечами Виктор, глядя на черный меч в своих руках. – Заходи. Только ночную вазу с собой прихвати. А то мало ли что. За три года вся квартира дерьмом провоняет.

– Да я тебе!.. Да ты мне!..

Вопли за стеной стали глуше, смешавшись с женским щебетанием. Видимо, воинственной соседа принялась успокаивать его менее воинственная половина.

– Так то оно лучше, – сказал Виктор. – Только вот...

Он присел на кровать.

– Не может быть, чтоб такие штуки – и не фиксировались. Как же тогда мечом-то махать, если оно в любой момент стрельнуть может тебе же в морду?

После непродолжительного исследования оказалось, что проткнутый мечом маленький черный инь-ян поворачивается на сто восемьдесят градусов и в повернутом положении рукоять остается просто рукоятью без тенденции выстрелить хозяину в живот ребристым штырем.

Дракон тоже легко поворачивался.

Потом Виктор нашел отлетевшее при выстреле навершие рукояти. Металлический колпак с легким щелчком встал на свое место – конструкторы предусмотрели, что у хозяина меча может не оказаться доли секунды для того, чтобы его снять.

– Гении, – вздохнул Виктор. – Только до веревочки не додумались, чтоб его после выстрела не искать.

Он подошел к окну и распахнул створки.

За окном в ночном небе мягко светила луна.

Виктор направил черное лезвие в макушку ночного светила, прищурился и нажал на дракона.

Выстрела не последовало.

– И на том спасибо, – сказал Виктор мечу. – Типа, начерно познакомились.

Он закрыл окно, подошел к кровати – и только сейчас почувствовал, как же он устал. За стеной еще раздавалось едва слышное бурчание соседа.

– Спокойной ночи, – кивнул Виктор стене. – И тебе приятных снов, – добавил он, обращаясь к мечу. – Надеюсь, что по ночам ты не ползаешь по комнате, не ловишь мышей и не кусаешь спящего хозяина за пятки.

* * *

Птица была назойливой и щебетала не умолкая.

Он взял палку, подкрался в дереву... Беззаботная трель птицы раздавалась прямо над головой. Над ней же была лысая ветка без листвы – но птицы на ней не было. Была трель, была ветка...

В недоумении он остановился, после чего от досады со всей дури шарахнул палкой по пустой ветке, взвыл от боли и... проснулся.

Он так и заснул на кровати, не выпуская из руки рукоять меча, который во сне стал палкой. Рукой он саданул по спинке кровати. А птицей был дверной звонок, который какой-то гад нажал и не отпускал, а тот заливался соловьиной трелью. Скорее всего, невидимый гад жал на звонок уже давно, потому что в электрических кишочках нехитрого прибора уже что-то начало заметно хрипеть.

Виктор отпустил меч и стал усиленно тереть глаза. Глаза разлипаться не хотели. И вообще, очень хотелось послать всё к чертовой матери, снова завалиться на кровать, накрыться подушкой – и пропади пропадом этот простуженный соловей вместе с гадом, который...

– Чтоб ты сдох! – с душой сказал Виктор и встал с кровати. – Достал, падла!

В воображении нарисовался вчерашний сосед из-за стенки, в семейных трусах и с обещанной битой.

– Ладно, – сказал Виктор, закипая. – Щас разберемся.

Он направился к двери. Звонок мгновенно перестал щебетать. Воображаемый сосед, устранившись Викторова гнева, бросил свою битку и припустил по лестнице. Виктор усмехнулся, не заглядывая в глазок, повернул бобышку замка и резко распахнул дверь.

За дверью стоял японец.

То, что это японец, Виктор понял сразу. Сонная муть рассеялась, и как-то разом всплыло в памяти все, что было вчера. И не мог, по определению, невысокий человек со скуластым лицом и раскосыми глазами быть таджикским гастарбайтером или новым дворником туркменской национальности. Притом что ни те ни другие не носят дорогих антрацитовых костюмов. Да и потом, согласитесь, что, ежели в вашей квартире вдруг завелась пара старинных японских мечей, нет ничего удивительного в том, что однажды к вам в дверь позвонит настоящий японец.

Виктор вздохнул и посторонился.

Японец вошел и встал в коридоре столбиком. Руки по швам, лицо – как у Будды, без следа морщин и эмоций, словно из камня вырезанное. И глаза в лице словно глиняные шарики в узких бойницах дота.

Шарики шелохнулись, обозревая убранство Викторовой квартиры, и вернулись в исходную.

– Вы готовы? – спросил японец без малейшего намека на акцент.

– Всегда готов, – пробурчал Виктор. – Что, уже выезжаем?

Японец чуть повернул голову и внимательно посмотрел на хозяина квартиры. И от этого взгляда почему-то Виктор чуть ли не впервые в жизни почувствовал себя неловко.

– Машина внизу, – сказал японец, повернулся и вышел.

– А это...

Японца уже не было на лестничной площадке. Звука шагов по ступенькам Виктор тоже не услышал. Он специально высунул голову за дверь и прислушался.

Ни звука.

– Чудеса, – сказал Виктор, закрывая дверь. – Ниндзя-невидимки, зона второго внимания, Кастанеда без наркоты и все такое.

Однако, несмотря на экстраординарные способности гостя, баловать японского товарища и торопиться перед дальней дорогой Виктор не собирался. Тем более что часовая стрелка только-только перевалила за цифру «шесть».

– А обещали в восемь, – недовольно пробубнил Виктор, направляясь в ванную.

Он, не торопясь, принял душ, вскипятил чайник, приготовил яичницу с ветчиной, плотно позавтракал и только после этого, вытащив из шкафа фирменную спортивную сумку, начал собираться в дорогу.

Зубная щетка, паста, рулон туалетной бумаги (а фиг его знает, куда и зачем едем и сколько ехать будем, мало ли...), пара шоколадок «Натс» из холодильника, смена белья, запасная футболка, в карман куртки – паспорт, кредитка «Виза» и тысяча долларов заначки. Вроде все...

Его взгляд остановился на мечах. Черный валялся на кровати, катана висела на стене на прежнем месте.

«И когда успел повесить? Убей, не помню...»

Виктор призадумался.

С одной стороны, переть с собой два меча не пойми куда – дело неблагоприятное, неудобное и, положа руку на сердце, тяжелое. Черный меч, после того как над ним поколдовал современный мастер, стал по весу едва ли не тяжелее катаны, на которой золота и камней считай кило под три, не меньше. Это так, в руку взять, повертеть, поиграться – ерунда. А ну как япошки заставят с ними марш-броски делать, как в армии? Да еще сверху РД с ОЗК и со всякими причиндалами навесят или что у них там при марш-бросках навешивать положено. Не возрадуешься.

Виктор представил, как он спускается вниз, как буддомордый японец посылает его обратно за мечами, плюнул, решительно отверг «родную» японскую сумку с завязками, растянул дополнительные молнии на своей фирменной, отчего та стала напоминать большую длинную сосиску, и засунул в нее оба меча.

Ну, вроде всё.

Виктор окинул квартиру взглядом.

Да... На многие лихие дела уходил он отсюда. И всегда возвращался. Удастся ли вернуться на этот раз?

– Увидим, – сказал Виктор.

И повернулся к двери.

Сквозь пробитую в паре стальных листов дыру струился слабенький лучик света. Виктор с уважением покосился на свою сумку.

– Однако...

Он вышел из квартиры, запер покалеченную дверь и спустился вниз.

Внизу стоял черный «Линкольн» длиной примерно от Викторова подъезда до соседнего. На почтительном отдалении от заморского чуда кучковался местный народ, вполголоса обсуждая неслыханное происшествие.

– Это за мной, – сказал Виктор, на прощание телевизионно-застойным жестом помахав народу.

Народ в ответ махать не стал, только обсуждение стало чуть громче.

– Ну и не надо, – сказал виновник происшествия, открывая дверь и влезая внутрь салона. Внутри, как и ожидалось, сидел японец. Машина плавно тронулась.

– Долго ехать? – спросил Виктор, устраиваясь напротив японца.

– По такой дороге около семи часов.

– А куда едем?

– В аэропорт, – коротко, как плюнул, ответил японец – и отвернулся. Видимо, черед одинаковых облезлых пятиэтажек, проплывающих за окном, интересовала его гораздо больше, нежели общение с подопечным.

«В аэропорт? Это в Москву, что ли? Эх, почитать ничего не взял, – с тоской подумал Виктор. – С этим же общаться – все равно, что с пустым сиденьем. А ехать хрен знает сколько, со скуки подохнешь».

Когда японец не двигался – а двигался он очень экономно и строго по делу – он чем-то напоминал китайского болванчика, который в далеком детстве стоял у бабушки на шкафу. Щелкнешь по голове – та качается.

«Интересно, а если его по лбу щелкнуть, например, ногой, голова закачается?»

Словно что-то почувствовав, японец повернул голову и уставился на Виктора своими немигающими бойницами. Тусклые глаза японца не выражали ничего. Казалось, будто не на Виктора он смотрит, а куда-то сквозь его голову...

Внезапно Виктору стало беспричинно жутко. Он постарался взять себя в руки, но...

Страшная волна энергии, исходящая от японца, давила его волю, корежила и ломала все, что делало Виктора – Виктором, личностью, которая смогла выжить черт-те где и черт-те что преодолеть и многим – очень многим – показать, чего он на самом деле стоит...

Виктор отвел взгляд и уставился в окно.

За окном проносились поля, деревья, придорожные столбы, собаки, пишущие на этих столбах свои собачьи летописи, коровы, недоуменно глядящие вслед черной торпедой, на безумной скорости проносящейся мимо...

«Да уж... Такой сам кому хочешь по голове ногой щелкнет. Причем так, что больше качаться будет нечему...»

Виктор еще не пришел в себя после неожиданной безмолвной схватки.

«Как же это? Одним взглядом...»

Но дело было не только во взгляде.

Виктор чувствовал тот самый приток адреналина пополам с мурашками по телу, какой ощущаешь после того как на ринге или в драке пропустишь хороший удар противника. И лежишь себе после него тихонечко на полу, пытаешься понять, напрочь тебя вырубил или же еще имеются силы и возможности подняться и расквитаться с оппонентом.

Не было только боли от удара. Физической боли. Все остальные ощущения имелись с избытком. А еще было ощущение, что японец, что называется, «не вложился», как не вкладывается в удар тренер по боксу, в четверть силы хлопая перчаткой по уху забывшего про защиту новичка.

«Вот тебе и ниндзя с мечами...»

Виктор не мог отделаться от ощущения, что японец сейчас сидит и ржет себе втихомолку. Мол, оттаскал щенка за шкуру, чтоб не рыпался и не строил из себя Блейда с Брюсом Ли в одном флаконе.

Виктор начал закипать.

«Ну, ты, конечно, черт узкоглазый, глазами стрелять Мастер, но...»

Он оторвал взгляд от проплывающего мимо пейзажа с явным намерением разобраться с непомерно наглым иноземцем. Еще не зная как, но разобраться раз и навсегда...

Японец, как ни в чем не бывало, смотрел в окно. Но, видимо, это занятие ему уже успело надоест, поэтому он раскрыл стоящий рядом на сиденье дорожный саквояж, достал оттуда газету и принялся читать. Газета была усыпана иероглифами, похожими на мертвых насекомых, отчего сильно напоминала пособие по энтомологии.

И чего тут сделаешь? Сидит себе мужик, читает газету. Отобрать у него чтиво с закорючками и предъявить, чего это ты на меня не так посмотрел десять минут назад?

Ярость – она такая штука, что ежели не находит выхода, то вместо дурной энергии, кровавого марева перед глазами и адреналина в крови через очень короткое время наступает прямо противоположный эффект.

Виктору отчаянно захотелось спать.

Отходить ко сну в лимузинах с кожаным салоном Виктору доселе не приходилось. Но с другой стороны – когда везут незнамо куда не по своей воле, стоит ли соблюдать приличия и китайские... хммм... японские церемонии.

Виктор закинул ноги прямо в ботинках на длиннущее сиденье, подложил кулак под голову и мгновенно отрубился...

Снился ему японец.

Японец сидел напротив и глядел сквозь газету. Виктор ясно видел немигающие глаза, рассматривающие его сквозь промежутки в иероглифах. Это были глаза вивисектора, наживую препарирующего беспомощную тварь с целью изучить ее реакции на лезвие скальпеля.

Холодный металл безболезненно вскрыл грудную клетку. Покопавшись там и, видимо, не найдя того, чего хотелось, скальпель принялся за лобную кость. На секунду между бровями стало нестерпимо холодно, и почти сразу же Виктор физически ощутил, как ледяной взгляд японца легко вошел в его мозг и принялся там обстоятельно ковыряться.

Виктор чувствовал, как корчатся его извилины, рефлекторно пытаясь отстраниться от незваного гостя, – так дергается тело гусеницы, которую малолетний садист колет иголкой. Но безжалостный исследователь уверенно продолжал свое дело.

Вот лезвие приблизилось к извилине, проткнуло ее, и вялая Викторова мысль, просочившись сквозь разрез, потекла по направлению к немигающим глазам, похожим на узкие бойницы...

Виктор закричал... и проснулся.

Поза японца не изменилась. Изменилось лишь положение его тела. Сейчас он полулежал, продолжая читать свою газету. Спинка его кресла была откинута под углом в сорок пять градусов, а нижняя часть, наоборот, приподнята вверх.

«Понятно, – зло подумал Виктор, еще не до конца отойдя от странного сна и пытаясь рассмотреть глаза японца сквозь газету. – Лишний раз утерли нос крутому деревенскому парню. Цивилизация, куда деваться. Будто сами сто лет назад гэтами¹¹ щи не хлебали. Или что у них там вместо щей было? Суп с тараканами?»

Он спустил ноги на пол. И понял, что жутко хочет пить. И есть.

Трогать стратегический запас было неразумно. Экономить паек Виктор привык еще с армии. Поэтому он осведомился, обращаясь к газете:

– Долго нам еще ехать?

– Два часа, – ответили из-за газеты.

– А питание для конвоируемых предусмотрено в программе?

Видимо, питание было предусмотрено, так как, помедлив немного, газетный лист сложился вдвое, потом еще раз вдвое. Показавшийся из-за него японец степенно положил газету на сиденье, после чего открыл саквояж и, вытащив из него блистер каких-то крупных таблеток, протянул его Виктору.

Виктор взял предложенное и с недоумением повертел в руках. В блистере было четыре таблетки, каждая чуть больше «цитрамонины». Однако, в отличие от «цитрамона», на упаковке не было каких-либо надписей, поясняющих назначение ее содержимого.

«Может, он по-русски не совсем догоняет?» – подумал Виктор.

– Да я вроде не кашляю, – сказал он, протягивая таблетки обратно. – И поносом не страдаю. Мне бы пожрать чего-нибудь.

---

¹¹ Гэта (яп.) – традиционная японская обувь в виде деревянных скамеечек.

– Это и есть пожрать, – сказал японец, доставая из саквояжа маленькую бутылочку с розовой жидкостью внутри и также протягивая ее Виктору. – А это – попить.

– Здесь только воробью попить, – проворчал Виктор, принимая бутылочку. – Видать, не жалует ниндзей ваше правительство. Впроголодь живете.

Но японец уже снова скрылся за газетой.

«Ну, на безрыбье и раком свистнешь», – подумал Виктор, закидывая в рот таблетки и запивая их двумя глотками из бутылочки – на третий глоток жидкости не хватило.

Таблетки были безвкусными, а вот еще от пары-тройки таких бутылочек с ни на что не похожим ароматом каких-то трав Виктор бы не отказался.

Японец чуть опустил газету, покосился на пустой блистер...

– Это был рацион на сутки, – сказал он, и снова вернул газету в исходное положение.

– Раньше надо было говорить, – несколько сиплым голосом сказал Виктор.

Он как-то вдруг сразу почувствовал, что невзрачные с виду таблетки по своим питательным свойствам многократно превосходили самые смелые ожидания. Сейчас у Виктора было ощущение, что он с ходу смолотил пару кастрюль гречневой каши.

Из-за газеты вылетел еще один блистер и шлепнулся рядом с Виктором.

– Какие мы все тут любезные, – тихо проворчал Виктор.

Это был «фестал».

– Что, и в Японии наши колеса уважают?

Из-за газеты не ответили.

«Ну и хрен с тобой», – подумал Виктор, спешно закидывая в рот пару знакомых таблеток, от которых по крайней мере никаких гадостей ждать не приходилось – одна сплошная польза. В случаях, когда пациент бывает сильно обожрамшись.

Через несколько минут дышать стало легче.

Японец периодически менял свои газеты, складывая прочитанные в саквояж и извлекая непрочитанные, за окном зеленой лентой тянулся однообразный пейзаж, мягко покачивался автомобиль, героически преодолевая воспетые поэтом загибы русской дороги. Все эти составляющие в совокупности плавно вогнали Виктора в медитативно-пофигистическое настроение, девизом которого мог бы стать, скажем, гвоздь в рамке с подписью «Забей на все», продаваемый в одном из бывших киосков «Союзпечати» около бывшего магазинчика Виктора.

«Бывший киоск, бывший магазин... И сам я бывший... Бывший десантник-бандит-коммерсант... А сейчас хрен пойми кто... Кролик подопытный, конвоируемый в лабораторию... Таблетками вот узкоглазый накормил... Мол, эксперименты проводим на наименее ценных членах экипажа... Да и хрен с ним...»

Сиденье было мягким и обволакивающим, климат-контроль бережно фильтровал воздух, насыщая его ароматом хвои.

Виктор и не заметил, как снова задремал...

Над ухом прозвучал выстрел.

Виктор вскочил как ужаленный. Над ним стоял японец.

Намозолившая глаза газета в поле зрения отсутствовала. Вместо газеты перед носом Виктора маячила размытая со сна фигура, которая образуется после щелчка среднего пальца об жесткую маленькую ладонь.

– Приехали, – сказал японец, убирая фигуру в карман.

Дверь открылась сама собой. За ней, старательно изображая букву «Г», стоял водитель машины.

Японец повернулся спиной к Виктору и вылез из «Линкольна».

Виктор почувствовал, что своего попутчика он ненавидит добросовестно, глубоко и от всей души. Но в салоне явно больше делать было нечего. Тем более, согласитесь, не очень-то удобно сидеть и дуться внутри салона, когда за дверью, согнувшись в три погибели, стоит

маленький водитель, похожий на подростка, делая вам ручкой, – мол, выметайтесь, дорогой и глубокоуважаемый гость, приехали, не фиг тут рассиживаться.

Виктор выдохнул, прихватил свою сумку и вылез наружу.

Снаружи был аэропорт.

Он обрушился на Виктора, как, возможно, обрушивался Колизей на голову древнего провинциала, не вылезавшего из своей оливковой рощи – и вдруг, по воле случая попавшего в Вечный город как раз на празднество в честь Кибелы, Цереры или еще какой-нибудь Флоры.

Виктор как раз собирался, открыв рот, начать по кадрам обозревать возникшее перед ним чудо, как японец довольно сильно дернув его за рукав, бросил отрывисто:

– Быстрее. Опаздываем, – и напористо потащил его в недра аэропорта.

Оглушенный какофонией разнообразных и непривычных звуков, состоящей из разнообразной речи, отдаленного гула взлетающих где-то невидимых самолетов, объявлений по радио на русском и нерусском и много чего еще, Виктор волокся за японцем, как громоздкая, неповоротливая баржа за маленьким напористым буксиром. Мелькание разноцветных пятен перед его глазами слилось в единую ленту, из которой непривычное к глобальным картинам сознание выдергивало то симпатичную мордашку пограничницы, то громадное электронное табло, то заляпанный цветными наклейками чемодан какого-то иностранца, то снова мордашку (на этот раз колоритной афротуристки) с роскошным бюстом под ней...

Но больше всего Виктора удивил японец. Вернее, его лицо. Которое вдруг начало меняться так, что нашим телекомикам и не снилось.

Перед самым входом в аэропорт японец ловко сдернул сумку с плеча Виктора и широко улыбнулся.

Сразу за входом находилась рамка в рост человека для просвечивания пассажиров на предмет наличия всевозможных террористических пакостей. Рядом с рамкой имелся металлический ящик с уходящей в него движущейся лентой. По обеим сторонам рамки располагались симпатичная таможенница и несимпатичный милиционер с квадратной каменной челюстью и резиновой дубинкой.

– Здравствуйте, – сказала таможенница, обворожительно улыбаясь. – Положите ваш багаж на движущуюся ленту и проходите.

Японец улыбнулся еще шире, хотя казалось, что шире уже некуда.

– У нас нет багажа, – сказал он, кладя сумку с мечами на металлический ящик и проходя под рамкой. После чего он преспокойно забрал сумку и махнул Виктору – пошли, мол, чего стоишь.

Немало удивленный таким способом прохождения досмотра, Виктор ждал, что сейчас поднимется неслабый хай. Однако хая не последовало. Таможенница продолжала несколько заторможенно улыбаться, а милиционер даже не пошевелился, словно и правда был вырезан из камня.

Виктор мысленно пожал плечами и прошел под рамкой.

Потом он просто шел за японцем, не переставая удивляться тому, насколько преобразился этот каменный Будда. Его провожатый в зависимости от ситуации то улыбался обворожительно (пограничницам, таможенницам, девушкам и дамам в очередях), то вдруг превращался в солидного и преуспевающего бизнесмена или – бери выше – дипломата, причем настолько солидного, что даже вообразить страшно (для тех же лиц, но мужского пола), то, проходя перед очередной рамкой, не просто улыбался, а щерился так, словно его рот был резиновым и имел способность растягиваться от уха до уха.

От этого жутковатого оскала взгляд окружающих слегка цепенел, и на их лицах тоже расцветала идиотская улыбка. Японец же преспокойно повторял трюк с мечами и следовал дальше, не забывая каждого встречного одарить своим вниманием. Причем каждая его метаморфоза имела свои оттенки, как для каждой двери требуются индивидуальные ключи со строго опреде-

ленным рисунком бороздок и зубчиков, посредством которых очереди на регистрацию – таможенный досмотр – паспортный контроль – и далее по списку прошли как-то очень быстро и безболезненно. Слишком быстро. Другому за такое «быстро» морду б набили в два счета и в наручники запаковали. А этому – трын-трава. Прошел как нож сквозь масло и Виктора вместе с его сумкой с собой протащил. Тот даже удивиться не успел, откуда это у японца паспорт с его фотографией образовался. Вроде и не фотографировался в последние месяцы...

Только на втором этаже, в зале ожидания для пассажиров, летящих бизнес-классом, лицо японца приняло прежнее безразличное выражение. Словно маску с фейса стащил и в саквояж запрятал, как давеча газету с иероглифами.

Виктор добрался до нереально удобного кресла и рухнул в него, словно удав, обожравшийся мартышек. Японские таблетки перебороли отечественный «фестал» и принялись распирать желудок с новой силой. Японец же, привычно устроившись в кресле напротив, сначала долго трепался с кем-то по мобильнику на языке, состоящем, похоже, из одних «ся», «сю» и «рррр», после чего сходил в соседнюю комнату, из которой вернулся с тарелкой, заполненной всякой снедью, и с бутылкой армянского коньяка. Плюхнувшись в кресло, он принялся аппетитно трескать разложенные на тарелке бутерброды с красной икрой, запивая их коньяком и при этом довольно крикая.

– Лучше французского, – сообщил он после второй рюмки. – Натуральный вкус винограда.

Виктор мысленно пожал плечами. Ему сравнивать было не с чем.

– Пассажиров рейса четыреста сорок два просят пройти на посадку к посадочному терминалу номер шесть, – нежно сказал динамик под потолком.

Однако японец и не думал прекращать трапезу. Когда его тарелка опустела, он снова наведалься к кормушке и, вернувшись с новой порцией закуски, вновь принялся за коньяк, жмурясь от удовольствия.

– Ешь, – сказал он Виктору, кивая на бутерброды. – Ты ж хотел. Здесь все бесплатно.

Виктор с ненавистью посмотрел на японца. От бутербродов с икрой и рюмки «Ахтамара» десятилетней выдержки он бы, может, тоже не отказался, кабы в его желудке оставался хотя бы кубический сантиметр свободного пространства.

– Зря, – сказал японец, отправляя в рот очередную порцию деликатеса. – Очень вкусно. Больше Виктор сдерживаться не мог.

– Слушай, ты издеваешься, да? Ты чего хочешь?! Ты ж скажи, я понятливый! Я...

– Мистер Фудзи Ямато и господин Виктор Савельев! Срочно пройдите на посадку к посадочному терминалу номер шесть!

Сейчас в нежном голосе, несущемся из динамика, явственно слышались железные нотки.

– О! Это нам, – невозмутимо сказал японец. – Пошли.

Виктор скрипнул зубами, выдохнул... и встал с кресла. А что еще делать? Бросаться аки снежный барс на спину японцу, удаляющемуся по направлению к стеклянным дверям? И зубами его в стриженую холку по самые десны?

«Итак, стало быть, японец у нас Фудзи Ямато. А я, значит, господин Савельев, – думал Виктор, шагая по объемистому передвижному тоннелю-„кишке“ к самолету. – Выходит, познакомились. Очень приятно – взаимно – что вы, что вы, не споткнитесь, здесь ступеньки...»

От впечатлений и бессильной злобы он даже слегка устал. Поэтому, как только мягкое сиденье самолета приняло Виктора в свои обволакивающие объятия, его вновь неудержимо потянуло в сон. Хотя если вдуматься, то сколько можно? Считай, всю дорогу дрых. Но кто ж знал, что резкая смена обстановки окажется для его организма настолько утомительным делом...

Увы, на этом приключения не кончились. Виктора ждал еще один сюрприз. Оказалось, что взлетающий самолет – далеко не лучшее место для погружения в царство Морфея.

С непривычки его чуть не стошнило. Предупредительная и наверняка опытная в таких делах стюардесса сразу обозначилась возле его кресла с хрестоматийным пакетиком в руках. Но Виктор, стоически пережив бунт японских таблеток в животе, втянул в себя порцию воздуха и дал отмашку – мол, все в порядке, подруга, блевать отменяется.

«Подруга» потопталась еще немного на месте, недоверчиво наблюдая, как меняется у пассажира зеленоватый цвет лица на бледно-розовый, и ретировалась. Чтобы вновь появиться через минуту с бутылкой минералки.

– Во, это в самый раз, – выдохнул Виктор, принимая бутылку. – Мерси.

– Не за что, – улыбнулась стюардесса. – Что-нибудь еще?

Виктор, присосавшийся к источнику живительной влаги, энергично мотнул головой, отчего пузырьки газа внутри бутылки выстроились в маленький водоворот.

– Чо, братан, хреново?

Из-за кресла впереди высунулась бритая голова. Под головой наблюдался фрагмент бычьей шеи, на которой имелась надпись «Папа», наколотая выцветшей зеленоватой тушью.

Виктор отлип от бутылки и невольно задержал взгляд на надписи. Голова перехватила взгляд и рассмеялась.

– Нравится?

Виктор пожал плечами.

– А зря, – сказала голова. – Это погоняло со смыслом. Хошь – понимай как написано, а хошь – писец активистам, привет анархистам.

И снова захохотала. Во рту головы блеснули два идеально ровных белых ряда явно искусственных зубов.

– Ты сам, я смотрю, не из Москвы, – сделала вывод голова, мазнув взглядом по одежде Виктора. – И с баблом у тебя не алё. Чо в Японии-то делать собрался? Там же одно разорение!

Виктору не очень понравились развязные манеры «Папы», но это все-таки была лучшая альтернатива, нежели японец, успевший прикупить где-то в аэропорту свежую газету и явно предпочитающий разглядывание корявых иероглифов светской беседе.

– Да я вот, – кивнул Виктор на японца. – С ним.

Голова подалась вперед. Из-за спинки кресла вслед за ней высунулись плечо и рука, украшенная синими перстнями, тиграми, рыцарями и бог еще знает какими татуировками, сливающимися порой в картины, которые вот так с ходу и не разберешь что изображающие. Голова осмотрела японца гораздо более внимательно, нежели до этого Виктора.

– Голимый самурай, – вынесла она вердикт. – Патентованный. Оно по-русски ни бум-бум?

Виктора в свое время научили отвечать только за себя, поэтому он неопределенно повел плечами, типа «хрен его знает. Тебе надо – ты его и спрашивай».

– Так я и думал, – сказала голова. – Пить будешь?

Виктор непонимающе уставился на собеседника.

– Ты чо, первый раз летишь, что ли?

– В пассажирском самолете – первый...

– Аааа!!! – обрадовалась голова. И крикнула, обернувшись: – Братва!!! Тут правильный пацан первый раз в воздухе!

Ему ответил нестройный гул трех-четырех голосов с передних сидений. Виктор собеседника разубеждать не стал.

– Ка-роче, – сказала голова, вновь поворачиваясь к Виктору. – Меня Жекой звать, а пацанов – Санек, Андрюха и Генка. Санек с Андрюхой только с зоны откинулись, и мы постановили это дело в узкоглазии отметить. А Генка к нам в аэропорту прибился, он тоже недавно от хозяина. Пацаны, сам понимаешь, голодные, а там у япошек, говорят, тёлки мелкие как собачонки, их можно по ходу по пять штук за раз нанизывать.

Жека снова заржал. А отсмеявшись, добавил:

– Дело в следующем. Мы тут во фри-шопе затарились, так что приступаем. Твой самурай пьет?

– Не знаю, – сказал Виктор.

– Ну и хрен с ним, – кивнул бритой головой Жека. – Пусть дома у себя своим вонючим сакэ давится. А у нас тут «Голд Лэйбл».

Он обернулся.

– Эй, пацаны, подтягивайтесь. Начинаем.

В салоне бизнес-класса свободных мест было предостаточно, поэтому «пацаны», «подтянувшись», заняли свободные кресла.

И началось.

Виктор не был большим любителем спиртного, но, действительно, если разобраться – когда впереди у тебя непонятное будущее, сзади – прошлое, о котором вспоминать лишний раз не хочется, а внизу, под относительно тонким стальным брюхом самолета, сотни метров пустоты, неизвестно откуда появляется желание вот так вот по-русски взять наполненный до краев стакан, и...

– Щас спою, – сказал Жека, покосившись на японца.

– А чо, можно! – обрадовался Санек с соседнего кресла. – Давай: «Такова воррровская доля...»

– Погодь, – оборвал его «Папа». – За дела да за масти мы дома споем. А здесь...

– Чо здесь? – обиделся Санек. – Типа в воздухе масти не канают?

– Не, Сань, канают без базара, но...

«Папа» наставительно поднял вверх татуированный палец и снова покосился на японца, невозмутимо листавшего свою газету.

– ...здесь мы прежде всего русские пацаны, которые летят отдыхать в страну узкоглазых. Тех самых, кому наши деды в свое время конкретно вставили по самую помидоринку.

Рука японца, переворачивающая лист газеты, замерла на мгновение. Или это только показалось Виктору?

– И в честь этого знаменательного события, – торжественно продолжил Жека, – давайте-ка, братва, вспомним одну хорошою песню.

И он затянул хорошо поставленным баритоном:

На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят.
У высоких берегов Амура
Часовые Родины стоят...

Возможно, Жека просто куражился. Возможно, нарывался, подозревая, что японец знает не только свой родной с закорючками. Виктор ждал, что его попутчик не выдержит и кинется, – но ждал он напрасно. Японцу, похоже, разухабистая компания была глубоко до фонаря. После пары куплетов он абсолютно спокойно отложил газету, нажал на кнопку, отчего спинка кресла приняла почти горизонтальное положение и мирно отошел ко сну.

«Гады вы, – подумал Виктор. – Люди воевали, жизни клали, а вы песню об их подвигах распеваете, чтобы японца достать. Гады и есть».

Но устраивать разборки в самолете было неразумно. К тому же пел Жека неплохо. А японец не реагировал. Ну и ладно. Когда еще доведется русскую песню услышать? И Виктор слушал:

На траву легла роса густая,

Полегли туманы широки.
В эту ночь решили самураи
Перейти границу у реки, —

старательно выводили «пацаны», частенько путаясь в словах. Но на японца песня не произвела ровным счетом никакого впечатления. Он спал как убитый.

Квартет еще раз старательно вывел «и летели наземь самураи под напором стали и огня», но поскольку ожидаемого действия песня не возымела, то концерт как-то быстро сошел на нет. Взамен песнопений пошли разговоры-воспоминания о каких-то общих знакомых, о бабах своих и чужих, о каком-то «уроде», который «должен был по жизни, а как откинулся, так с воли ни разу семейку не подогрел».

До этого места Виктор еще кое-что понимал, но дальше, когда «пацаны» автоматически съехали на «блатную музыку» и разговор пошел о «красной зоне, в которой кум беспредельничает от балды великой и на воровской ход положил», тут Виктор «подвис» окончательно и после очередного «ну, погнали, братва, за тех, кто сейчас не с нами», почувствовал, что его тело медленно и плавно погружается во что-то мягкое, теплое и податливое...

– О! Смотри как пацана развезло! С двух стаканов всего! Непривычный что ли? А с виду крепкий...

Голоса плавали в каком-то другом измерении. В том же слегка смазанном измерении плавала лысая голова Жеки и щетинистые черепа его сотоварищей. Где-то далеко звенели стаканы, раздавался пьяный гогот, тоненько пискнула стюардесса, видимо, ущипнутая за какую-то из аппетитных выпуклостей, но все это было далеко, далеко, далеко...

Виктор очнулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Он с трудом поднял чугунные веки.

– Слышь, братан!

Над ним нависал Жека.

– Слышь, тут такое дело. Короче, нам твой самурай конкретно мазу портит.

Голова Жеки занимала все обозримое пространство, а из его рта омерзительно несло то ли вчерашним, то ли уже сегодняшним перегаром, замешанным на шоколадном запахе только что выпитого виски.

– Ты это... доведи до него, чтоб он пересел куда-нибудь. Мест свободных полно, а Генке каждый раз через кресло как улитке тянуться в падлу.

Виктор с трудом повернул голову. Японец мирно спал в кресле, скрестив руки на груди.

– А может... неудобно как-то...

– Э-э-э, братан!

Жека поморщился.

– Он тебе что, родственник? Это при советской власти неудобно было. А сейчас – в самый раз. Хорош перед всякими джепенами да америкосами приседать, надоело. Пусть они теперь перед нами приседают.

И решительно протянул руку к плечу японца...

«Джепен» открыл глаза и взглянул на Жеку.

Рука «Папы» остановилась в миллиметре от плеча японца. Жека замер. Виктору на мгновение показалось, будто его пальцы уперлись в невидимую стену из пуленепробиваемого стекла. Несколько секунд бритоголовый бандит и японец смотрели в глаза друг другу.

В салоне стало тихо. Вдруг как-то разом прекратился звон стаканов и пьяный гогот Жекиных друзей, и даже едва заметная вибрация корпуса летящего самолета вроде как сошла на нет.

Глаза «Папы» стали наливаться кровью. Вслед за глазами медленно стала окрашиваться в багровый цвет бычья шея. Под надписью «Папа» заметно набухла и запульсировала вена толщиной с карандаш.

– Hei, you, – тихо сказал Жека. – My friends speak, that you sat on other place. Understand?

– Why I should change the place?¹² – спросил японец. От того, как шевелились его губы, Виктору стало как-то не по себе. Он аж немного протрезвел.

Лицо японца было каменным, неживым. На этой неподвижной маске едва-едва шевелились два тонких бескровных червя, а из черного промежутка между ними тягучей лентой тащились непонятные слова. Мертвые, как и лицо существа, которое их произносило.

Видимо, Жеке тоже стало не по себе, но он не привык сдаваться. Вена на его шее запульсировала сильнее, пальцы левой руки стиснули подлокотник кресла так, что он еле слышно затрещал.

– Because so my friends want¹³, – жестко сказал он, сверля взглядом белесые шарики в глазницах японца.

Виктор ожидал всего, чего угодно, но то, что произошло дальше, его порядком удивило. Даже больше того, что «Папа» абсолютно свободно треплется по-английски.

Японец сказал «о`кей», медленно встал и стал как-то неестественно, боком протискиваться между коленями Виктора и впереди стоящим креслом. По пути он покачнулся и наверняка упал бы, если б не ухватился за спинку кресла, при этом слегка мазнув пальцами по шее Жеки. Тот немедленно заорал:

– Hei, guy, do not touch me! I not yours the girl-friend!¹⁴

И заржал:

– Слышь, Витюха, да самурай-то твой поддал изрядно! Когда это он успел?

Виктор пожал плечами.

– Ну, он в аэропорту немного того...

– Ничего себе «немного»! Да он на ногах не стоит!

Японец, пошатываясь и бормоча «Excuse me, excuse me...»¹⁵ прошел между кресел и плюхнулся где-то впереди салона вне зоны видимости.

Тот из «пацанов», кого звали Генкой, шустро перебрался на освободившееся сиденье.

– Не, ну круто Жека в ихней фене волочет! – скороговоркой загундел он Виктору прямо в ухо. – Я те точно говорю – у него не кукушка, а Дом Советов. Не смотри, что она кучерявая, как утюг.

– Ты за метлой-то следи, – добродушно проревел Жека, разливая по стаканам то, что оставалось в бутылке, и, словно фокусник, другой рукой доставая откуда-то вторую, непочатую. – А то я тебе хаер повыдергаю, чтоб не трендел чего не надо. Будет череп белый и гладкий, как Фудзияма.

Краска медленно отливала от лица «Папы». Видимо, для снятия стресса его могучему телу требовалось нечто большее, чем стакан виски.

– Ну чо, пацаны, на спор?

Он зубами сорвал пробку с бутылки.

– Это ж вискарь, не портвейн, – кивнул на бутылку Генка. – Тебе не хватит на сегодня?

– На сотку грина мажем?

– А и д-давай! – высунулся из-за плеча Жеки Санёк. На его лице блуждало благодное выражение пьяного в доску русского человека. – Д-д-давай... на сотку... ик!

– Слышь, Санёк, – ласково сказал Генка. – Ты, по ходу, за два года у хозяина забыл, как этот динозавр ханку жрет? Мне Андрюха недавно рассказывал. Так я тебе напомним...

– А ты, братуха, по ходу, забыл, что в чужие базары лезть тоже не тема, – наставительно произнес Жека, сворачивая пробку с бутылки. – Ну чо, Санёк, мажем?

¹² – Слышь, мои друзья хотят, чтобы ты пересел на другое место. Понял? – Почему я должен пересаживаться? (Англ.)

¹³ – Потому что так хотят мои друзья (англ.).

¹⁴ – Эй, парень, хватит меня лапать! Я не твоя подружка! (Англ.)

¹⁵ Извините, извините... (Англ.)

– М-мажем, – энергично махнул головой Санёк.

Видимо, движение оказалось для него непосильным. Он проехал щекой по плечу «Папы», стек в кресло и тут же заснул.

– Идёт! – сказал Жека, запрокинул голову и поднес ко рту бутылку.

«Пацаны» замороженно смотрели, как коричневая жидкость, булькая, вливается в глотку «Папы».

– Монстр... Не глотая. Как в унитаз вылил! – восхищенно прошептал Генка над ухом Виктора.

Жека отбросил в сторону пустую бутылку.

– Я те дам унитаза, – сказал он и шумно выдохнул, забрызгав слюной Виктора с Генкой. – Я те хаер-то...

И упал в кресло рядом с Саньком.

От падения столь значительной массы безвольное тело Санька качнулось в сторону отрубившегося «Папы». Благостная физиономия, чавкнув, уместилась на необъятном плече Жеки, а изо рта счастливо «откинувшегося» братка на плечо «Папы» стекла тонкая струйка прозрачной слюны.

– Все равно с Санька сотка, – глубокомысленно изрек Генка, утирая бледное от природы лицо тыльной стороной ладони. – И хрен он отбрешется завтра, что бухой был и ничего не помнил.

Где-то впереди слышался мощный храп Андрюхи.

Между креслами осторожно, бочком, опасаясь быть вновь ущипнутой за какую-нибудь из заманчивых выпуклостей, прокралась стюардесса.

– Кушать будете? – робко спросила она.

Генка прицелился было цапнуть стюардессу за ягодицу, но тянуться было лениво. Взвесив, что ценнее – щип или комфорт, – он выбрал второе.

– Спасибо, милая, мы уже накушамшись, – изрек Генка, глядя масляным взглядом стюардессину попу. – Ну и булки у тебя...

Выщипанные бровки приподнялись кверху.

– Вам булку принести?

– Да нет... благодарю, милая, уже. Хотя...

В замутненном алкогольными парами Генкином мозгу, похоже, родилась идея.

– А помоги-ка мне, дорогая моя, кресло назад откинуть, – сказал Генка тоном эзоповского лиса, провоцирующего ворону на крайне необдуманный шаг.

– А там кнопочка, – сказала умудренная жизнью стюардесса, показывая пальчиком на подлокотник кресла. – Нажмите.

– Я вот что-то... никак, – закричал Генка, шаря рукой по подлокотнику.

– Да-да, вот там.

– Бог мой, да где же она?

– Ну... ну я сейчас.

Профессионализм победил.

Стюардесса перегнулась через Виктора, обдав его ароматом недорогих духов, смешанным с жаром молодого, крепкого тела, и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.